

Татьяна **Нелюбина**

МОЙ ДОМ НА УРАЛЕ

Р О М А Н

Татьяна Нелюбина
Мой дом на Урале
Серия «Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961916
Мой дом на Урале: Алтейя; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-906792-50-1

Аннотация

Новый роман Татьяны Нелюбиной – это история большой семьи в дневниках и письмах за тридцать лет, 1979–2009 годы.

Содержание

Надежда	5
1	5
2	29
3	65
Семья	90
I.	90
1	90
2	115
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Татьяна Нелюбина

Мой дом на Урале

© Т. Нелюбина, 2015

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2015

* * *

ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Анне Васильевне Шушариной и Владимиру
Николаевичу Нелюбину*

Надежда

1

31 сентября 1979

Как странно устроена жизнь. В 26 лет, прочно уверовав в то, что не будет никакой любви тебе, вдруг встречаешь человека. Горячий, жадный, требующий. Пугаешься. Потом очнёшься и поймёшь, что ждала, ждала именно этих зелёных глаз, восхищённого взгляда, «почему я тебя раньше не видел»... Почему, почему меня нельзя любить? Глупости, именно меня и надо любить.

Саша, Сашенька.

Как там Москва? Как твой ФПК¹? Вспоминаешь ли ты меня?

1 октября 1979

Была в универе.² Пусто. То ли народ ещё не вернулся с картошки, то ли никому, как и мне, неохота учиться. На факультатив по математике, кроме меня, никто не пришёл. Фёдор Фёдорович, наш «Ф.Ф.», попросил:

¹ Факультет повышения квалификации.

² Уральский государственный университет.

– Надя, расскажите о себе.

Я рассказала, что приехала из Новогорска-3, что мои родители инженеры-строители, нас у них пять детей. Старшая сестра Таня учится в аспирантуре МАрХИ³ и скоро поедет в Москву, я передам с ней письмо для Саши, нужно ему письмо написать.

– Надя, что вы там шепчете? Говорите громче.

Прям. Разбежалась.

Но почему бы и не поговорить?

Я пересела с галёрки поближе к нему и продолжала, раз уж ему интересно, рассказывать про братьев, у меня их три. Вася, ему 22, окончил физтех УПИ.⁴ Костя, ему 21, физтех бросил, ушёл в армию. А Коля, ему 20, учится в МФТИ.⁵

Мама рада, что Таня и Коля в Москве друг друга поддерживают, а мне грустно, что Таня уедет.

Но скоро снова приедет – она ведёт дипломников в своём САИ⁶ и, если повезёт, привезёт мне письмо от Саши.

– Пять детей, – сказал Ф. Ф. мечтательно. Кажется, ему самому хотелось иметь большую семью. И в мечтах о ней Фёдор Фёдорович забыл спросить, а почему же я так долго учусь.

А я так долго учусь потому, что то и дело беру академку.

³ Московский архитектурный институт.

⁴ Уральский политехнический институт.

⁵ Московский физико-технический институт.

⁶ Свердловский архитектурный институт.

У меня приобретённый порок сердца. Но об этом ему знать необязательно.

Он посмотрел на часы:

– Что ж, я думаю, нет смысла ждать остальных. Обсудим первое задание. Запишите.

Я записала:

В то время, как (I), по-видимому, новое, (II), в сущности, это формула Гельфонда. Он показал, что в правой части основание 2 нельзя заменить на меньшее число. За исключением тривиальных случаев, ни (I), ни (II) не являются наилучшими оценками. Так что было бы интересно найти точный максимум для...

2 октября 1979

Привет, Саша! Отвлекись на минутку от окружающих тебя московских красот, вспомни меня. Смутил девушку, она тут ночами не спит.

Привет! Отвлекись на минутку от окружающих тебя красот, вспомни меня. Смутил девушку, она тут ночами не спит, худеет, бледнеет, сам же уехал на два месяца и в ус не дуешь.

Привет! Отвлекись на минутку от окружающих тебя красот, вспомни меня. Я тут ночами не сплю, худею, бледнею, жду. Вернёшься, приходи ко мне в гости, расскажешь, где был, что видел. А для возмещения моральных убытков привези апельсин. Может, утешусь. До моей мамы нако-

нец-то, по прошествии пяти лет, дошло, что друг у меня есть, Сашей его зовут. И вот однажды вечером заводит моя мамуля разговор: «А что Саша...» Я чуть не подпрыгнула от неожиданности, как, думаю, что, откуда. Потом сообразила, что она про другого Сашу спрашивает, вздохнула с облегчением. Теперь-то уж не вздрагиваю, привыкла – у мамы такие разговоры стали своеобразным ежевечерним ритуалом, она без них, видимо, спать уже не может. Так что, не обессудь, если вдруг щёки у тебя начнут гореть или икнётся тебе в самый неподходящий момент. Не смею больше задерживать занятого человека. Будет время, напиши, как там Москва, москвички и прочие слушательницы ФПК.

Господи! Что же это я делаю? Сколько осторожности. Я ведь совсем не то хочу написать. Саша, я так тогда боялась, что ты со мной только оттого, что не совсем трезв (я-то знаю, что вызываю желание у мужчин). Такой ласковый, боже, я откроюсь, а потом – утро и стена между нами. И боялась, что ты подумаешь что-нибудь вроде «с первым попавшимся, от одиночества». Я говорю: «Не хочу, чтобы ты уходил». А ты: «Да, конечно, я понимаю, сидишь тут одна. У тебя хоть друзья-то есть?» Тогда я не поняла, что иначе ты подумать-то и не мог, я сама виновата. Разве можно ожидать чего-то другого, когда человек в общем-то искренен, даже если это только в данный момент, это неважно, важно, что искренен, а ему отвечают этаким холодностью, сдержанностью, осторож-

ностью. Ведь ты в самом деле не виноват в том, что я стала дичком. Всего боюсь: скажу не так, сделаю не то. Стала слишком сдержанной. Спряталась в свою нору, не мешайте, не отвлекайте, не трогайте меня, а уж если я сама кого-нибудь задену, это мелочь, случайность.

4 октября 1979

Сашенька! Ну зачем ты разбудил меня, зачем вселил надежду? Я не могу, не могу, не могу. То мне кажется, что для меня это хороший урок, то кажется, что я тебя так люблю, что просто не могу быть обузой. Я, такая вся больная.

Ну где ты? Зачем всё так? Зачем тебя так долго нет? Я ведь давно всё поняла. Я уже не знаю, радоваться мне или плакать, просить тебя, чтобы пожалел, или наоборот просить не жалеть.

5 октября 1979

Здравствуй, Саша!

Я извела уже кучу бумаги, извелась сама, кажется, вот нашла самые главные слова, пишу – не то. А Таня уезжает. Я тороплюсь передать с ней письмо. Если я сейчас начну писать тебе всё то, что хочу сказать, ей придётся нанимать носильщика, а ты до самого своего приезда не успеешь прочитать моего письма. Меня переполняют чувства и мысли, мне просто слов не хватает, но ты всё и так поймёшь, потому что ты знаешь, что я чувствую. Саша, это такое счастье, что я

встретила тебя, что всё получилось именно так, как получилось. Иначе я бы многого не поняла. Где ты? Тебя ждать ещё целых два месяца, я знаю, что уж если целую жизнь ждала, то ещё месяц, другой могу подождать. Но ведь я могу писать хорошие письма, я могу писать просто письма, разве тебе не будет приятно получить письмо?

20 октября 1979

Таня уехала в Москву две недели назад, некому теперь в жилетку поплакаться. Никто не скажет:

– Надюшка, ты такая!.. Такая!

– Какая? Вся из себя замечательная?

– Ты самая лучшая!

– Таня, скажи, я красивая?

– Да! Ты красивая, умная, ты...

– Так я какой-то феномен: и красивая, и умная.

– Да, ты просто феноменальная!

Мне её не хватает.

Домой что ли поехать? Завтра суббота, поеду. На вокзал тащиться, в электричке трястись... Снег валит, тает, мокро, холодно.

Вот мама у нас молодец – ездит туда-сюда зимой и летом. Мама строит «Белый дом» – первый небоскрёб в столице Урала. За это маме дали в Свердловске квартиру. Пока однокомнатную, но обещают двухкомнатную. Заживём!

Всё. Надо заниматься. Ф. Ф. ждёт решения задачки. И не

он один, другие преподаватели тоже мечтают, чтобы я выполнила их задания. А я...

16 декабря 1979

Как много времени я потеряла. Что я сама с собой делаю? Нет, не так. Что ты со мной сделал? Сейчас я уже думаю, как мы с тобой встретимся. Мы ведь встретимся? Я сегодня ехала в трамвае, там куча мальчишек лет семи-восьми, едут во дворец спорта на тренировку, якобы хоккеисты и такие хорошенькие. Как жаль, что я не могу иметь ребёнка. У нас с тобой был бы чудесный ребёнок. Вот у меня какие мысли. В чём ты ходишь зимой? Как ты вообще выглядишь? Чёрные брюки на пуговках. Раздеваешься ты так же быстро, как и одеваешься. Семь секунд. Я позвоню:

– Приехал?

Нет, я скажу:

– Здравствуй, Саша.

И услышу:

– Здравсте.

– Здравсте, здравсте, – скажу, – это я.

– Уже узнал.

– Я хочу тебя видеть.

А что дальше? Стена? Вряд ли. По крайней мере, я её постараюсь разрушить. Какой он был ласковый, когда мы ехали на Химмаш, как он смотрел на меня, сразу руку положил мне на талию, лицо гладил. А я сияла. Надо было мне сиять

и в последнюю встречу, но он был такой злой и чужой. Ему совсем не хотелось, наверное, на полчаса выходить из института в такую холодину.

Нет, звонить я не буду. Не буду. Навязалась один раз, с этим дурацким письмом. Больше не буду. Адрес мой он знает. Ну и что?

Сашенька, ты такой гладкий, такой сильный, смуглый, горячий. Неужели о мужчине можно так мечтать? Я представляю себе, как он меня будет ласкать, раздевать, а я буду отвечать ему, я полностью смогу насладиться его телом, узнать, какая у него грудь, спина, наверное, все рёбрышки можно пересчитать, а живот у него – одни мускулы. А какие у него ноги? Волосатые? Я иногда даже представляю, как он берёт меня. А потом такое наслаждение. Мы горячие, мокрые, его смуглое тело и моё белое. Ты ведь не сделаешь мне больно? Я не боюсь этой боли, я хочу её. Хочу, хочу, хочу. Милый, хочу тебя. Как с тобой хорошо. Сашенька, ну появись, обними меня, посмотри на меня. Никак не могу уснуть. Помечтаю немножко. Надо сшить какую-нибудь новую юбочку к его приезду.

Тогда мне помешал такой пустячок в моей одежде. Вернее, если бы не это, он бы спокойно мог гладить мои ноги, бёдра, поднимать юбку, снять с меня блузку. Если бы всё случилось сразу, всё бы случилось, пока мы просто были на диване, он лежал и положил меня на себя. Целовать себя я уже давала, но как только его рука попадала на мою ногу, под-

нималась между ног, я пугалась. Сейчас думаю, какой это пустяк. Нет, в принципе я, наверное, поступила правильно, не отдавшись сразу, не сказав люблю, но тогда нужно было не молчать, не думать. А говорить, особенно, когда сама ему сказала, что лягу с ним. Ведь человек на что-то надеялся. Сначала он сказал: «Если ты не захочешь, ничего не будет». Правда, тут же подверг меня такой атаке, видимо, чтобы я захотела. Я же чуть не разревелась. «Саша, не надо. Извини меня, пожалуйста, но не надо». Он понял, что это серьёзно, отпустил меня. А потом-то я сама легла с ним. О чём я думала? Мне очень хотелось, чтобы он ласкал меня, говорил эти горячие слова «Сладенькая моя, хорошенькая. Хочу». А о том, что так он обо мне гораздо хуже может подумать, мне и в голову не приходило. И не надо сейчас ничем себя оправдывать, моей вины здесь больше, хотя бы то, что я, в отличие от него, могла совершенно трезво мыслить и не испытывать судьбу – одно это говорит не в мою пользу. Чего мне захотелось? Нашла мальчика, к которому можно приласкаться? А мальчик оказался мужчиной и... Сейчас бы всё было не так. Но в жизни ничего не повторяется.

Мечты... Саша, сними майку, ты такой гладкий, я сниму блузку, она мешает, смотри, сколько у меня родинок. У меня хорошая кожа? Я тебе нравлюсь? Это тоже можно снять. Я хочу посмотреть на тебя, знаешь, я думала, что это стыдно, а я тебя совсем не стесняюсь, мне приятно, что ты ласкаешь меня, видишь меня. Обними меня. Я хочу почувствовать те-

бя. Какие у тебя сильные руки. Я ничего не умею делать, ты помоги мне, говори, я научусь. Тебе будет хорошо со мной, я буду отвечать на твои ласки. Но я не могу сразу, это ведь ничего? Я способная, я быстро научусь, я хочу, чтобы тебе было хорошо со мной. У меня некрасивая грудь, но когда я лежу, это невидно? Поцелуй соски, ещё, покусай немножко, хочу, чтобы было больно. Тебе хорошо со мной? Сейчас, мой хороший, сейчас. Ты помоги мне. У меня всё не как у людей, я даже не знаю, когда можно, когда нельзя, но это нестрашно, ты осторожно, ты меня не обидишь.

Ты потом скажешь мне что-нибудь очень ласковое, не уснёшь сразу? А если я захочу ещё, ты ведь не станешь подшучивать? Как мне хорошо с тобой. А тебе?

Когда я так изменилась? Помню ведь, как переживала, что люди неискренни, как много об этом говорила. Сама я тогда была искренней? На тот момент – да. Ну, а сейчас – что же изменилось? Откуда я взяла, что нужна ему, зачем я ему такая. Мужчины ведь тоже любят сильных, красивых, энергичных. Почему я его так отпустила? Испугалась. Скажет ещё что-нибудь, оттолкнет. Правильно сделала.

20 декабря 1979.

Как больно, милый мой, как это больно. Месяц-то уже почти на исходе, осталось 10 дней, 10 дней. К Новому году ты вернёшься? Или после? Мне уже всё равно. Я уже привыкла, что тебя нет. И, видимо, не будет. Нет, встречу с тобой

я представляю. Главное – как ни в чём ни бывало, ни на что не обижаться. Он ведь не виноват, что такой.

– Звони, – он сказал.

– Когда? – я не спросила.

– Заходи, – он сказал.

– Когда? – я не спросила.

Нет. Я не нужна ему. Нужна была женщина в тот момент и всё. Вспомнила Химмаш. Он ведь рад был сразу отправить меня назад, я сама сказала, что пережду народ, что на автобусе не поеду, на этом троллейбусе не поеду, на этом тоже. Ждала. И даже его «Звони» дождалась в самый последний момент. Откуда я взяла, что так и надо? Он тогда действительно, как очень хороший человек, не смог меня оттолкнуть. Фу, как это всё неприятно. Ну что теперь? Я сделала столько глупостей, что ещё одну смогу себе позволить. Только ещё один раз встретиться с ним наедине и не на улице. А специально встречи с ним я искать не буду, если он так и не откликнется. Или не выдержу и буду всё же искать.

Саша, Сашенька! Мне в голову лезут всякие мысли, но ведь это всё глупости, правда же? Ты ведь помнишь меня? Ты немножко любишь меня? Тебе просто некогда, а Тане я не смогла объяснить, как для меня важно получить твоё письмо. Она ведь посчитала, что у меня это очередная блажь: «Тебе и Петя Серов нравился».

Может, это, и правда, просто блажь?

11 января 1980

С чего начать? Не знаю, зачем пишу, просто хочется, чтобы ты знал, а сказать я никогда не смогу. Как впрочем, и отдать это письмо. Я всё время представляю, как ты придёшь. Как ни в чём ни бывало:

– Здравствуй.

– Здравствуй. Как хорошо, что ты пришёл.

И всё. Разговор исчерпан. А что ещё сказать? Спросить прямо:

– Зачем пришёл?

Но ведь это неправда. Я буду очень рада. И пусть все вопросы останутся невыясненными. А в том, что ты придёшь, я не сомневаюсь. И я жду. И начинаю волноваться. В том, что тебя не будет в праздники, я была уверена, но ведь сегодня уже 11 января. Так хочу тебя видеть, до боли. Такого никогда ещё не было.

А что было? Когда-то было плохо. Всё-всё было плохо. Хотелось чего-то чистого. Встретила. Во мне проснулось что-то новое, яркое. Был праздник, всё искрилось, кружилось, играла музыка, мир в розовом цвете. Но праздники кончаются. Кончился и этот. Просто кто-то взмахнул рукой: прекратить это веселье. И сразу всё изменилось, краски померкли. Серость. Но иногда воспоминания наплывают, и снова всё оживает. Снова праздник, яркие краски, кружение. За это я и люблю. За то, что был праздник.

30 января 1980

Саша, Сашенька, я не могу, не могу. Хочу, Саша, как я хочу тебя видеть! Господи, зачем я поехала с ним на Химмаш, зачем он так смотрел на меня, зачем ласкал.

24 февраля 1980

В среду вышла из больницы. Какие испытываю чувства – умолчу. Хандра и боль. Боль до тошнотиков. Не хочу об этом.

25 февраля 1980

Была в универе, декан мне:

– Ну что с вами делать? Выпускать вас всё равно надо.

Я ему:

– Надо.

Встретила Наташу, секретаршу с нашей кафедры, меня, оказывается, Фёдор Фёдорович очень даже желает видеть, у меня, оказывается, так он считает, есть что-то для диплома, тему он дал, меня печатают в приказ. Ура! Выпустят. Никуда не денутся. Наш Ф. Ф. – прекрасный человек!

Наташа в субботу выходит замуж, я приглашена в качестве свидетеля. Я ухватилась за идею пригласить Сашу. Сегодня даже позвонила ему и даже дозвонилась. Начала сразу, быстро:

– Саша? Здравствуй, Саша. Это Надя.

– Здравствуй.

– Ты что делаешь?

– Заседаю.

– А не можешь на секундочку вниз спуститься?

– Нет, не могу.

– А долго ещё будешь заседать?

– Долго.

Я замолчала. Ну, думаю, снова злится, что звоню и молчу, а ему некогда. Лихорадочно соображаю, что же делать.

– Понимаешь, я хотела тебя попросить кое о чём, но по телефону как-то...

– Ну да.

Помолчали.

– Позвони как-нибудь ещё.

– Саша, мне быстрее надо.

– Позвони завтра.

– Завтра? Когда?

– Ну, до обеда.

– А во сколько у тебя обед?

– Позвони в 12.

– Хорошо. Завтра. В 12.

Попрощались. Завтра иду сдавать матфизику, думаю, конечно, не об экзамене, а о встрече с Сашей. И уже заранее знаю, что мы или не встретимся, или ещё что-нибудь в этом роде. Главное, одеть улыбочку на лицо.

27 февраля 1980

Реакция у меня замедленная. Вчера всё было нормально, а сегодня урвелась вся. Позвонила я ему в 12. Мне сказали, его нет, он на лекции. Я разозлилась, на час раньше из дома вышла. Пошла в универ, сдаю экзамен. Села и сижу, думаю, не уйду всё равно. Мне так и сказала преподавательница:

– Считайте, что вы меня измором взяли.

А мне всё равно, измором так измором.

Пошли все вместе подарок Наташе искать, идём по Лени-на, вдруг вижу – Саша. Я к нему:

– Привет.

Поговорили.

Всё. Хватит. Уговариваю себя, Надя, хватит, ради бога, перестань, выкинь ты его из головы. Зачем это? Унижаться, злить его. Всё равно ничего не получится. Горько, больно, но что поделаешь. Пожила немножко сказкой, помечтала, напридумывала кучу ласковых слов и хватит. Нереально всё это, нереально.

Улыбку он, правда, надел на прощание:

– Звони, заходи.

Я возмутилась. Он:

– Надя, в чём дело?

А действительно, в чём? Почему он должен радоваться встрече со мной? Почему я от него что-то требую? Какое я имею право? Никакого. Чёрт с ним. Забыть, забыть.

9 марта 1980

После Наташиной свадьбы прошла неделя. Что было? Свидетель жениха меня обхаживал. Я с трудом сдерживалась, чтоб не назвать его Сашей. Вот так вот. И никому не нужна. Никому. Зато он наговорил мне кучу комплиментов. Он сказал, что я «очень шикарная женщина». Он говорил, что у меня ноги красивые. Ласковый, хороший. Объяснял, что доставлять человеку удовольствие – приятно.

Можно прожить без Саши?

Таня – весёлый человек. Сначала она отзывалась о Саше очень даже положительно, а тут вся изругалась: «Противный, гнусный!» Я, по крайней мере, ему не звоню и пока не собираюсь. Переживу. Лучше так, чем эта настороженность, холодный злой взгляд. Смотришь ему в глаза, сейчас, сейчас. Сейчас повторится то очарование, я почувствую себя в его власти, подчиняться – подчиниться, а навстречу – такой холод. Бр-р-р. И понимаешь запоздало, что тебя отталкивают: не суйся, девочка, не нужна.

17 марта 1980

Вдруг ни с того, ни с сего рядом появляется другой. Ни о чём не просит, ничего не требует. Он только ласков. С ним так хорошо, чувствуешь, что можно всё сказать, и что-то говоришь, ревёшь – и говоришь. А он ласковый, он просто ласкает, а именно ласки так не хватает. Он всё понимает, он не обидит. Я тоже ласковая, но завтра я буду злиться на него, что он рядом оказался, на себя, что допустила это, поскорей,

ночью, ночью ему сказать, предупредить, что нет будущего, что я не хочу быть обузой. Потом утро – а признаваться совсем не хочется. Наоборот, хочется, чтобы ещё продолжалась ночь, ну пусть утро, когда над тобой появляется золотая голова, и легко всё, и надо-то так мало. Пусть придёт в субботу, чтобы не бежать не выспавшемуся на работу. Полежать спокойно рядом.

– Ты ко мне ещё придёшь?

– Если пригласишь.

Да, с ним хорошо. Приглашаю. А он – не приходит. В воскресенье иду к нему сама. Страшно, стыдно, но иду – с ним хорошо. Но уже знаю, что больше никогда не смогу позвать. Мне казалось, уже то, что ему принадлежит интересная женщина, «очень шикарная», как он говорил, должно доставлять ему радость, какую-то уверенность в себе что ли. Я ошиблась. Я снова ошиблась. Зашла в его подъезд и вышла. Села на скамейку. Вдруг объявится? В магазин или так, погулять. В курточке, волосики золотые из-под шапочки во все стороны. Встану, сделаю удивлённые глаза: сколько лет, сколько зим, погуляем? А вдруг нет? Страшно. А вдруг да? Зачем? Когда-нибудь всё равно встретимся, «сколько лет, сколько зим».

И вся эта тоска когда-нибудь тоже пройдёт. Просто я сегодня весь день думала, что зайду к нему, но не решилась. Полчаса ждала трамвая, парочки, толпа с баяном, ледяной дождь хлещет, а им хоть бы хны, поют, веселятся. А я од-

на. Всякая пьянь пристаёт, мальчишки маленькие таким ма-
том...

18 марта 1980

Долго смотрела на его окошко. Зачем? Чтобы снова услы-
шать: «Я не имею никакого права...» Но ведь это глупости.
Ты просто не хочешь иметь никакого права. Удобная пози-
ция. Права ведь подразумевают и какие-то обязанности. А
надо-то так мало. Проснуться утром, а рядом человек, кото-
рого ночью целовал, ласкал, что-то ему говорил, и утром то-
же можно полежать рядом, погладить его лицо, ерошить его
золотые волосы. Или это слишком много – проснуться с че-
ловеком, с которым спал?

20 марта 1980

Вот надо же. Так хотела видеть, встретить «случайно». А
встретила и растерялась. А он тоже хорош:

– Здравствуй, Надя.

– Здравствуй.

– Ты что здесь?

– Да вот с подругой в «Салон» ходила.

– Снова свадьба? Снова свидетельницей?

– Да нет.

– Ну ладно, пока.

– Пока. Заходи.

– Как только, так сразу.

Как ударил. Ещё один. Для меня это второй Саша. Интересно, а Саша-то хоть немного обо мне вспоминает? И после этого мысли всё о нём. Он дал мне хороший урок. Так мне, дряни, и надо.

Я просто обыкновенная женщина, и мне очень хочется ласки. Почему мне не говорили: любимая, милая?

29 марта 1980

Господи, за что мне это наказание? Сначала Саша – как он смотрел на меня, мне казалось, он бы меня не обидел (хотя – как знать, что мне казалось), человек просит, хочет – а я как колода бесчувственная. Потом вдруг ни с того, ни с сего – золотоволосый. От него-то мне что надо было? И сейчас Женя. Я от Жени спасалась, а Женя – самый честный оказался. Никаких поползновений. На лекциях всегда рядом сидел. Я не верю, что не играли в нём чувства. Видно было, что сдерживается с трудом. Но ведь сдерживается. Хотелось спросить у него, почему он меня так боится.

18 апреля 1980

Получила телеграмму: «Прости что не приехал болею приедешь позвони Женя».

Не приеду больше, не позвоню. Он уже не так рвётся ко мне. Там у него работа, новые знакомые, а здесь я с новыми капризами, вредностью, недовольством.

Очень жаль, что так получилось, Женя.

Я тебя очень ждала. Письма от тебя ждала. Нет, Женя, ты меня не любишь. Больше не поверю. Нет, нет, нет.

19 апреля 1980

Сосед вернулся из отпуска. Вчера приехал, я на кухне была, вышел из машины, взгляд по окнам. Звонок. Смотрит в сторону:

- Мне ничего не приносили?
- А что тебе должны были принести?
- Телеграмму.
- Нет, ничего не было.

Пошёл к своей двери, ругаясь. Потом я к нему зашла. Взяла пару книжек и ведь уже прочитала. Скукота.

А я старею. Раньше у меня была хорошая кожа. Сейчас я с отвращением думаю о своем теле. Неужели кто-то нормально воспринимает себя?

20 апреля 1980

Сосед пришёл. Сначала снова про телеграмму спросил. Я пошла к нему «менять литературу». Села прямо на пол, листаю журналы. Он подошёл ко мне близко-близко. Потом мы с ним пошли ко мне на кухню пить чай с земляничным вареньем. После этого он пошёл в мою комнату, а я говорила, что не надо, что там очень грязно. А он до этого всё время смеялся надо мной и сейчас тоже:

- Как ты умудрилась из такой маленькой тумбочки так

много вещей вытащить?

И подходит ко мне близко-близко, я его чувствую. Он обнимает меня, целует, ведет к кровати.

– Игорь, ну не надо.

– Не говори ничего.

Скажу! Не скрою – были у меня насчёт него крамольные мысли в прошлом году, очень он мне нравился. Но одно дело мечтать о чём-то, другое дело – по-настоящему. Да и не могу я больше позволить себе психов. Лучше жить спокойненько и тихохонько. Но сама мысль, что он пришёл ко мне, что он хочет меня – утешает!

22 апреля 1980

Утро после бессонной ночи. Игорь взял таки реванш. На сей раз и ласкать не стал. С силой прижал, поцеловал, руку под юбку, меня на кровать. Я пытаюсь сопротивляться, «Игорь, не надо». – «Молчи. Только ничего не говори». Его рука там, настойчивая, проникает глубоко, и я совсем парализована, резкая боль и всё. Потом уже он расстёгивает блузку, я жду его руку на своей груди, ласкает грудь, снимает свой свитер, мою юбку (я помогаю). Два обнаженных человека. Я совсем не стесняюсь своего тела, а он доводит меня до такого, что я уже не мыслю, как и что, одна мысль: он должен быть во мне. И ощущаю его, чувствую его внутри себя. Знаю, что не будет удовлетворения, но хочу его, не выпускаю его. Хорошо? Не думала, что будет такое утро. Без

единого слова, даже без единого взгляда. Я хотела уйти ночью, но подумала, что ещё будет утро. Он хоть что-нибудь скажет, ведь он ласковый. А он? Фу. Как я себя ненавижу. Сама к нему пришла. Надо взять себя в руки. Ах, Саша, Саша, горячий Саша, зачем ты разбудил меня? Зачем? Чтобы я как неприкаянная сейчас моталась? Брошенка.

Раньше хоть защита у меня была, выдуманная – не выдуманная, какая-никакая любовь. А сейчас? Только беззащитность перед жизнью.

23 апреля 1980

Хандра. Быстрее бы всё сдать и получить диплом. Кто бы только знал, как я хочу скорей заняться чем-нибудь. Только бы знать, что хоть кому-то ты нужен, чтобы этих мыслей дурацких не было, забыть о боли. Интересно, почему так получается, если скажешь «нет» – на тебя потом не смотрят, если «да» – то же самое.

Выкинуть из головы.

А Саша мне снился долго-долго.

26 апреля 1980

Сегодня суббота. Прибираюсь. Отдых. В четверг прихожу – Игорь.

– Чем занимаешься?

– Да я только пришла.

– А я снова один, жена не приехала.

Пошли, погуляли с собакой. Посидели на кухне. Взял гитару, пел какие-то песенки. Слушали Джо Дассена. Сопротивлялась я до упора. Ещё немного и не выдержу. Дрянь. Но выдержала. Ушёл. А вчера я к нему пошла:

– Загляни ко мне потом. Чайку попью.

– Я что-то спать хочу.

– Все спать хотят.

Заглянул. Посидели.

– Игорь, я хотела сказать... Я, конечно, трусиха. Ты извини меня, пожалуйста, что я струсил.

– Ничего.

Посадил меня к себе на колени. Пуговицы расстегивает. Я уткнулась ему в шею. Взял на руки.

– Я тяжёлая.

– Молчи уж. Тяжёлая.

И всё быстро. Игорь, больно.

Вот так. Вообще-то не вижу ничего плохого. Но всё равно была готова реветь. Не знаю. Глупо. С одной стороны, мне так хочется, чтобы меня приласкали. С другой, какая-то глупая рассудочность. Не могу голову потерять, а так хочется. Как с Сашей. Всё что-то не то. Просто знаю, что ему надо. И знаю, что в моих силах отказать или согласиться. А если отказывать, то надо сразу, но мне так хочется ласки, а это нехорошо.

28 апреля 1980

Интересно, жена знает, что мы с Игорем спим?

4 мая 1980

Да, интересно. Вчера просидели все вместе целый вечер. И ничего. Что-то случилось со мной, мне ничего больше не хочется.

17 мая 1980

Игорь приехал в среду на машине около семи, с девицей. А ушли они в двенадцатом часу. Интересно, что они делали? У меня всё обрубилло внутри. Противно только. Ах, до чего ж противно. Я же сама к нему ходила. Сначала пошла помочь прибраться. Потом у меня сломался телик, а мне очень хотелось посмотреть «Блеск и нищету куртизанок». Не дал посмотреть. «Игорь, я не хочу». – «Я хочу». А мне не хочется, я вся сжимаюсь, мне больно. А потом его машина у подъезда, я звоню, но мне не открывают. А в среду вон что. Смешней всего то, что он меня видел в окне.

24 мая 1980

По-моему, я уже окончательно перебесилась. Надо заниматься. Очень уж хочется универ наконец-то окончить. О Саше я уже думаю, как о некоем эпизоде. Чего ни бывает.

2

6 июля 1980

Таня, через каких-то знакомых, и мама, как она говорит, по «своим каналам», сделали всё возможное и невозможное, чтобы меня положили в московскую клинику на операцию. Я прошла все обследования и еду с Таней. Я боюсь. А вдруг, глаза уже не открою? Откажусь. Не знаю, сколько мне ещё осталось, но хоть так, а проживу. Нет, нельзя забывать лето 74-ого, нельзя об этом забывать. А вдруг, вдруг всё будет хорошо, и я стану здоровой?

1 августа 1980

Полежала я в клинике. Страхи оказались напрасными – там такая очередь, аж до 1982 года. Возвращаемся домой. Таня убивается: может, надо было заплатить? Как, сколько, кому? Тошниловка.

3 сентября 1980

Странно. Столько мыслей, а пытаюсь сказать, и ничего не...

13 сентября 1980

Почему меня снова потянуло писать? Всё равно я разучилась излагать свои мысли. А чувства, наверное, никогда не

поддадутся чёткой формулировке. Ишь как запутано! Сама не пойму после, что хотела сказать. Раскопала я тут старые письма, и вдруг мне стало интересно. Я ведь не любила Сашу, я это сразу знала, просто хотела любить. Или потом была любовь? Но врала я вдохновенно. Сама себе. Верила?

Сейчас ни во что не верю. Попробую всё-таки членораздельно объяснить. Сашу я смогла бы полюбить и очень сильно. Мне даже казалось, что люблю. Но, видимо, он был прав, говоря мне: «Сидишь здесь одна...» Тогда я обиделась. А сейчас понимаю, что он своим этим необычным чутьем уловил смысл происходящего: первый мотив – одиночество. Он был искренен со мной. «Ты мне так понравилась, я хочу тебя». А я? Поздно поняла. Даже точнее, сразу не поняла, а потом уже было поздно.

Слава богу, золотоволосый подвернулся, помог. Помог понять, что я всё-таки женщина в первую очередь. Господи, что я несу. Ничего не понять. А в голове так всё стройно. До тех пор, пока не начну писать. Мысли тут же путаются, сбиваются, каждая хочет поскорей выйти, а вдруг про неё забудут.

Так сильно, точнее так остро, как той осенью с Сашей, я, наверное, никогда не переживала, да и не буду переживать. Сейчас могу смело сказать, что знай я сразу про его жену, этого бы не случилось. А то ведь у меня вера была – великое дело. Правда, он меня из глубокой спячки вытащил. Видимо, зря. Потом вдруг Женя. Я ведь с тоски готова была и

его полюбить. Правда, тещу себя надеждой, что не будь Саши, я бы никогда до такого не дошла. И с Игорем ничего не было бы. Ведь к нему я заходила «по-соседски» (а были, были грешные мысли), ну, а вчера вот оказалась рядом с Ф. Ф. Уважение к нему удерживает от банального изложения.

Попробую по-другому.

Когда это было? Наверное, в 1976 году. Да, в 1976-м. Семинар. Какой-то неуклюжий, неухоженный мужчина в мятом костюме, перепачкан мелом. Женя делал доклад не помню о чём, помню по Натансону. Потом этот мужчина говорит, что решил сменить тему семинара. Предложил доклад Ире. Она кучу отговорок сразу. Он предлагает, а группа ропщет. Он вдруг:

«А вы не можете?»

Я не сразу поняла, что он ко мне обращается. Мне вдруг стало его жалко, ну, думаю, ещё и я откажусь, согласилась. Такая-то книжка, такой-то раздел. А мне разбираться некогда, то одно (беготня по врачам), то другое (сдача, пересдача и досдача зачётов). Раз доклад сорвала. Второй раз. Он не выдержал, отпустил группу, а меня оставил. Стоит у доски, объясняет. Теорема Таубера. Сейчас вот ничего не помню. Обратная теореме Абеля, только с дополнительными условиями. Рассказал в «интегралах». Предложил:

«Попробуйте сами с суммами».

И на следующем занятии у меня от зубов всё отскакивало. «Хорошо, – говорит. – Только в одном месте вы говорите

min, а почему?»

Я ответила.

«У меня к вам, Надя, ещё один вопрос. Вам кто-нибудь помогал или вы сами?»

«Но ведь вы мне та-а-ак всё объяснили...»

«Понятно. Садитесь».

Дальше на его занятиях я просто присутствовала (надеясь на «автомат»).

А Ф. Ф. оказался человеком беспокойным, о чём-то спрашивал группу, теребил. Меня не трогал. Потом у меня случился день рождения, и я собиралась в часовой перерыв к Тане за подарками. А он хотел семинар без перерыва провести. Я сбежала. Староста мне после сказал, что Ф. Ф. спрашивал фамилию девушки, делавшей первый доклад. Всё, думаю, «автомат» накрылся, заставит зачёт сдавать, придётся готовиться. Но сдала всё-таки. Он расписался в зачётке и спросил:

«Вы уже взяли курсовую работу?»

«Нет».

«Когда у вас кончатся каникулы, ко мне подойдите, но не затягивайте. Мне понравилось, как вы работаете».

«А мне понравилось, как вы объясняете».

Я не сказала ему, что ухожу в академку. А он затребовал меня к себе в ИММ⁷ – на практику. Об этом мне декан сообщил – потом уже, следующей осенью.

⁷ Институт математики и механики.

И вот я снова на третьем курсе. Прошло больше года, мы занимались уже в другом помещении, на Тургенева. Я встречаю его на лестнице, и он меня узнаёт, спрашивает про дела. Я говорю, что вновь попала на третий курс, он временно теряет ко мне интерес.

А потом четвертый курс. Я снова встречаю его, говорю: «Как жаль, что вы у нас ничего не читаете. Не повезло нам».

У меня ещё хорошее настроение, на политэкономии я только собираюсь, вчера у меня был день рождения. Мы поговорили в коридоре, и я забралась в какую-то аудиторию, сижу, готовлюсь. Ох уж эта наука политэкономия. Кому она нужна? Только не мне. Он заходит:

«Если вам нужна моя помощь, я там, на кафедре».

И всё.

Во втором семестре я дождалась, когда он начал читать лекции у заочников, и подошла к нему. Очень мило сообщила, что у него сделаю курсовую в срок, а у других не сделаю. По-моему, от такого заявления он даже потерял на какое-то мгновение дар речи.

«Вы что же, считаете, что я за вас буду работать?»

«Нет, просто у вас я буду работать».

Но он, наверное, так и не понял моей мысли.

А какое было время. После, точнее сейчас уже, он скажет мне, что не заметил, что я болею. Не знаю, может быть, хотел успокоить, а, может, в самом деле, не заметил. Я готовилась

к каждой пятнице, даже отговорка для друзей появилась:

«Не могу, у меня завтра – Ф. Ф.».

Пятница – праздник. Даже смешно, что я могла ходить в универ как на праздник. Я на всё стала смотреть по-другому. Конечно, Ф. Ф. – увлечённый человек, но ведь у нас никто не увлёкся. А мне вдруг стало интересно. Я почувствовала к чему-то интерес! Это я? А он говорил:

«Мне нравится, *как* вы работаете».

Потом:

«Мне нравится, *что* вы работаете».

А прошлой осенью попросил меня:

«Расскажите о себе».

Мечтательно произнёс:

«Пять детей...»

Дал мне задание.

А мне некогда, у меня любовь.

...как функций от степеней m_1 - m_n

и через $V(f_l)$ число переменных $z_1...z_n$, входящих в f_l не ниже, чем в l степени. Тогда очевидно, что...

Странно. Я ни разу не думала о любви, а помню все его интонации, все слова. Если начать писать, то места не хватит. Но я помню. И, главное, что я его совсем не боялась. Это настолько умный человек, что... В общем, слов нет для описания всех его достоинств. Почему-то я даже не думала, что у него помимо меня куча учеников-учениц, что все они тоже видят в нём все его достоинства, что он со всеми так

разговаривает, что они все в него влюблены, как и я. Я даже о жене его ни разу не подумала. Пока мне однажды не ска-
зали что-то вроде такого:

«Зайди к нему домой, заодно с женой познакомишься».

Почему это было так больно слышать? Тогда я впервые как-то осознала что ли, что у него жена, что я у него не одна, что он так со всеми. Какой это был удар. Я даже на какое-то время всё забросила.

А потом поняла, что не могу уже без этого всего. Без его объяснений очевидных вещей, но зато как объясняет! Без его вопросов: «А чему вы улыбаетесь? Я говорю смешные вещи?» (Как можно! Даже подумать об этом – кощунство!) Без его улыбки. И я уже заранее знала, что он скажет, вернее, как он скажет, все интонации. «Надя, ну что вы? Ведь это так просто». И всё становилось просто. Он приходил ко мне во сне, и я рассказывала ему (во сне) о своей неудавшейся жизни, советовалась с ним.

А как он меня отчитал однажды! Попробовал бы кто-нибудь другой так со мной разговаривать. Я ведь не стала бы слушать.

Господи, это нельзя назвать любовью, это не любовь.

Но почему так отчетливо всё это помнится, и почему я сейчас вот пишу о нём, вспоминаю его, и столько радости.

Наверное, я сама наделила его кучей достоинств. Но ведь это прекрасно, что есть вот такой очень хороший человек на свете и что мне посчастливилось с ним встретиться. И теперь

я знаю, как себя вести. Я знаю, что из-за вчерашнего ничего не изменилось, ничего не случилось. Просто мой идеальный человек – всё же человек, и у него какие-то проблемы есть, неурядицы, приоткрылся такой какой-то другой человек. Не учитель, а именно человек. Он увидел во мне женщину, как и другие. (А чем он отличается от прочих мужчин?) Ну и что? Всё нормально, всё закономерно. И не надо ничего выдумывать. Пора примириться с мыслью, что я женщина, что у мужчин вызываю желание. И это надо воспринимать не как трагедию, а думать как о высочайшем счастье, что всё это произошло. Именно со мной. Судьбу благодарить.

А ласку, причитающуюся ему, и ту нежность, которую я к нему испытываю, он, даст бог, ещё получит.

29 сентября 1980

У него на шее родинки, созвездие. Куча седых волос. А грудь мохнатая.

По моим подсчётам сегодня он должен выйти на работу. Вспомнит меня?

Я не сошла с ума. Мне очень грустно. Впереди – пустота. Никто больше жизни учить не будет. Никто – это он, он не будет. Попросить у него сейчас помощи? Но это смешно. Я уверена, что найду себе работу. А, может, попросить?

Меня пугает мысль о том, что надо куда-то идти, что-то объяснять.

Я на него сейчас как-то по-другому смотрю. То есть я, ко-

нечно, на него не смотрю. Пришла к нему студенточка, он её в койку. И что я переживала? Да он уже и думать обо мне забыл, если вообще думал.

1 октября 1980

Я понимаю, что испытывала к Ф. Ф. чувство глубочайшей благодарности, помимо всего прочего. За всё то, что он сделал для меня. И ведь даже понял, как со мной надо обращаться. Сначала пытался заставить меня что-то сделать:

«Пока не сделаете, не уйдете, у меня времени много».

А у меня-то его ещё больше. А потом:

«Надя, я вас прошу – пишите».

Неужели не повторится такое никогда. Порой даже страшно. Он мне пригрозил:

«Если вы не будете этим заниматься, я отдам вашу задачу кому-нибудь».

«Не отдавайте, мне так не хочется с вами расставаться».

«А что если я как-нибудь приду к тебе в гости?»

«Почему бы нет?»

А сейчас думаю, какие к чёрту гости.

6 октября 1980

Завтра праздник – день конституции. Я имею право на труд.

В пятницу была в универе. Вползаю на шестой этаж. Ф. Ф. – Здравствуйте, Надя.

– Здравствуйте!

– У меня вот лекция была.

– Я знаю.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да!

– Я очень рад, что ты... Я очень рад, что ты улыбаешься.

Зашли на кафедру. Он к столу садится. Мне на стул показывает:

– Прошу. Доставайте, что у вас там есть.

– Ничего. Я просто так пришла.

Костюм тот же, свитер, волосы, кажется, подкрасил, седины не видно, загоревший, чуть похудевший. А я боюсь смотреть ему в глаза.

Уже расставаясь:

– Вы как-то говорили... – боюсь поднять глаза. – В общем, приходите как-нибудь ко мне в гости.

– Как-нибудь приду. Ты на выходные домой уезжаешь?

– Нет.

– Как-нибудь зайду.

– И меня не будет дома.

– Ну и что, приду ещё раз.

– Так неинтересно.

– Кому?

– Мне.

– Я приду.

– До свидания.

И что пристала к человеку? Не до меня ему, не до меня.

– Подожди. Если тебе надо будет, я поговорю насчёт работы, и ставка, думаю, найдется.

– Нет, Фёдор Фёдорович, спасибо.

У него куча проблем, а тут ещё я.

– До свидания.

– До свидания.

Разошлись.

12 октября 1980

Я работаю. Точнее ещё нет, но в пятницу там уже была. Ужасно. Ужасно. И ещё раз ужасно.

Скучаю по Ф. Ф. И знаю, что сказка кончилась. Очередная сказка. Ничего не скажу. Жаль. А вообще-то всё сказано. Правда, мысленно, но всё сказано. И всё кончено.

18 октября 1980

Неделю работала. Точнее, неделю мучилась. Задания нет. Сижу читаю. В шесть утра встаю. В семь уже еду. Грустно. В понедельник позвонила Ф.Ф. Сообщила, что работаю, поблагодарила за помощь. Он обрадовался. Мой телефон записал. Я чуть не спросила:

«Зачем он вам?»

Во вторник видела Лилию. Оказывается, она работает нынче в отделе теории приближения функций. У него! Я немного расстроилась, точнее, сначала это было буквально ударом

для меня, а сейчас только как факт отображаю.

Мне Ф. Ф. так не хватает сейчас. Наверное, пройдет скоро. По ночам я с ним уже не разговариваю. Видимо, всё сказала. Сегодня он снился мне в моём городе. Господи! Как я устала.

«Тебе надо отдохнуть. Иди сюда».

«Не пойду».

«Иди».

«Не надо».

«Я обижусь».

«Не обижайтесь».

«Ложись сюда».

Голову ему под мышку. Мохнатый. Проснулась. Он улыбается.

От счастья или смущения?

25 октября 1980

Отработала две недели. Примерно во вторник должна приехать Таня. В этот вторник хотела позвонить Лиле и машинально набрала не её номер, а его.

– Как у вас дела, Фёдор Фёдорович?

– Хорошо, а у тебя?

– Тоже хорошо, спасибо.

В общем, поговорили.

– Звони.

– До свидания.

И началась снова бессонница и снова он. Потом чуточку

простыла, слабость, спать хочется. Сплю, но снова он. А сегодня даже снилась его жена.

Когда это пройдет? Я устала.

«Как-нибудь найду» – это значит, не найдёт никогда. Или так примерно через год, когда кончится осень, кончится зима и станет светлей.

4 ноября 1980

В пятницу получила первую получку. Бешеные деньги – 106 рэ 73 коп. Купила ему медвежонка. Попросила Лилию передать. Вчера весь день как на иголках. А сегодня оказалось, что он будет на работе только после праздников.

Как я по нему соскучилась!

«Надя, только не пропадайте».

А сам взял и пропал.

10 ноября 1980

Господи, как плохо. Почему его нет? Рассердился? Я прямо болею от того, что его нет, голоса его не слышала почти что месяц. За уши от телефона себя оттаскиваю. Даже позвонила. Но взял трубку кто-то из его домашних, позвать не решилась.

Мне кажется, я доставляю ему одни огорчения. Это по неопытности, ну, по глупости что ли, в общем не со зла.

23 ноября 1980

Звонила ему. Он трубку взял. Я растерялась и промолчала. Всю ночь мучилась. Снова позвонила, и так мы с ним хорошо поговорили. Я пригласила его в гости 23-го. А в четверг перед субботой (моим днём рождения) позвонила, он сказал, что если сможет, то придёт. Я поняла, что это вежливая форма отказа. Но всё равно сегодня весь день надеялась. Он, естественно, не пришёл. Вот и всё, мой милый, мой хороший. Больше я, конечно же, не позвоню. Всё ведь ясно. А я-то размечталась.

«Фёдор Фёдорович! Можно сделать Вам подарок с первой полочки? Вспоминайте свою нерадивую ученицу. Мне сейчас очень не хватает Вас, Ваших слов: Надя, только не пропадите».

Дурацкое письмишко, знаю. Он на него не ответил.

«Я ещё не научился читать твои мысли».

«И не научитесь. Для этого нужно с человеком общаться».

«Я как-нибудь позвоню тебе на работу».

«Ну что вы, камни с неба посыпятся».

«Тебе что, нельзя звонить?»

«Почему же, можно».

Кошмар, кошмар. Я подхожу к нему, он отходит. Протягиваю руки – отводит. Прячется от меня.

«Я старый, усталый человек».

Дорогой мой старый усталый человек, знал бы ты, как я устала от этой жизни.

16 декабря 1980

Соскучилась? Не знаю. Как-то вечером позвонила, голос послушала. Неприлично, конечно. А видеть не хочу больше. Разговаривать не о чем. Зачем я вообще к нему привязалась?

«Надя, что бы ни случилось, с тобой – математика останется».

А я не о математике, дорогой Ф. Ф., я в тебя влюблена.

«Но жизнь, Надя, жизнь... Тебе нравится жизнь?»

«Честно?» (Всё равно не поверит). «Нет». (Что хорошего я видела в жизни!)

«Мне тоже не нравится, но у меня есть интересная работа».

«У вас ещё есть семья, какие-то обязанности».

«Да!»

Приехал такой злой тогда, отчитал меня по полной:

«У меня неприятности, а тут ещё ты. Ты всё хочешь сделать по-своему. Тебе надо было родиться мужчиной».

Стоило ли ехать за тридевять земель, чтобы сказать мне всё это.

14 февраля 1981

Да, ничего не было. Уже всё проходит? Сегодня спросила Лилю, как он там поживает.

– Ничего.

– Всё цветёт?

– Цветёт.

– Не распустился.

– Нет, ничего.

Цветёт и цветёт, да всё никак не распустится.

Не надо о нём.

Завтра, то бишь в понедельник пойду на работу. Почти два месяца отсутствовала. Главное – дожить до весны, до тёплой погоды. Там будет легче.

21 февраля 1981

Даже можно сказать, 22-ое. Около двух часов. Не спится, грустно.

Вообще жить грустно. Вспомню иногда о Ф. Ф., становится ещё грустней. Придумываю себе жизнь.

6 марта 1981

Я снова расклеилась и очень не хочу на больничный, надеюсь, что за выходные немножко оклемаюсь.

На работе мы сегодня собрались «полным составом» – 4 человека, а то всю неделю нас было двое, Манников на ЭВМ, а я с расчётами в комнате.

Манников заказал пирожные, всякие маленькие, вкусненькие. Пришёл руководитель с утра, Николай Филиппович, поздравил, ручки пожал, открыточку притащил. А в 12 часов нам было велено собраться наверху, там все мужчины отдела должны были поздравить всех женщин. Мы, конечно, опоздали. Приходим, а там аплодисменты и все выходят.

Там тоже давали торты, и мы отправились к постановщикам «пить чай». Не удалось мне посмотреть на своего любимого электронщика. Говорят, там мужчины при костюмах, при галстуках. А на меня Манников в один далеко не прекрасный день так накричал, что мне до сих пор обидно. Я, конечно, не подала виду, хорошо, что я сижу ко всем спиной. По спине не видно ни обиды, ни радости. Вот и спрашивай после этого что-нибудь. Лучше уж Николай Филиппович, он накричит, но потом подойдёт, поможет. А Манникову лучше под дурной настрой не попадаться, а хороший у него бывает редко. Вот так. Все мысли о работе? Да нет. По ночам вижу Ф. Ф. Снова. А голоса не слышала сто лет. Скучаю. Но... Память хорошая, слишком отчетливо всё помню. Грустно. Грустно.

31 мая 1981

Завтра начинается лето.

А мы не видели весны.

Писала в другую тетрабочку, не могла найти эту, а сейчас вдруг нашла эту, а где та – ума не приложу. Почему-то вдруг снова вспоминаю Ф.Ф.

24 октября 1981

Снова работаю после отпуска. Уже 2 недели работаю. Не видела дорогого Ф. Ф. с самого лета. И всё думала, что он придёт. И вот странно мне. Столько времени прошло, столько у меня новых знакомых, многое изменилось, сама я изме-

нилась, но осталось, осталось... Дорогой мой, мне так хочется сказать тебе, что я не забыла тебя. Ты так ворвался в мою жизнь (или я в твою?), что не могу я выкинуть тебя из головы. Но и не могу уже просто так позвонить даже на работу, прийти в универ. В одном совершенно дурацком фильме прозвучала единственная здравая мысль: делиться радостью с близкими людьми – не велика заслуга, надо делиться горе. Столько всего было за этот год, я живу своей жизнью. Ты где-то очень далеко. Я тебя придумала. Зачем? Зачем? И неужели это было: ты совсем близко и у тебя счастливое лицо?

Неужели он совсем не вспоминает обо мне.

31 октября 1981

Жизнь пошла наперекосяк. Как-то всё не то. И всё не так. Ничего не могу с собой поделаться. Звоню – не могу на него попасть, а он, говорят, вовсю цветёт. Но не в нём дело, не в нём. Бешусь. Через 3 недели день рождения. Надо же – целый год прошёл.

Смотрела «Маленькие комедии большого дома» по телевизору. На «Пой, ласточка, пой» разревелась.

15 ноября 1981

Через неделю день рождения. А я сижу на больничном с 4 ноября. Везёт. И почему-то мне совсем не хочется на работу, совсем по ней не соскучилась. Столько дел дома и ничего не сделала. Спала. А сегодня не могла уснуть до пяти утра. Но

проснулась полдесятого. Завтра с утра в больницу. Хочу поспать нормально. Милый мой, родной мой... Зачем? Зачем? Я тогда думала, что поступи я иначе, тебе было бы хуже. Но неужели так велика моя вина? Разве только я виновата. Я могу согласиться, что в основном на мне этот груз, но как, как... Ведь сама бы я не решилась, ты меня позвал. Или ты тоже казнишь себя? Но за что? Почему так всё случилось? У тебя была счастливая улыбка. Я помню это.

4 декабря 1981

Господи! До чего же я по нему скучаю. Как-то на работе забывается, там свои дела, заботы, притупляется всё. А потом тоска. Впереди суббота, воскресенье, так ждала, а сижу вот дома, столько дел, а у меня руки опускаются. Не могу ничего делать, и все мысли только о нём. Как он там? Что он там? Почему не вспоминает обо мне? Разве так можно?

11 марта 1981.

Ну и что? Прошло уже полтора года с тех пор.

Наш Николай Филиппович чем-то напоминает мне Ф.Ф. Хотя совершенно непонятно, чем именно. Разве что обручальным кольцом. Я люблю ходить на ЭВМ, потому что он всё время там. Что-то копается, диски тащит, проволочки, отвёрточки, одним словом – электронщик.

Я в понедельник (пришли мы на ЭВМ, а нам её ещё не дали) стояла в дверях, вперилась в него как-то даже не заду-

мываясь, а он заметил. Я сообразила не сразу, отвела глаза, а потом уже даже боялась смотреть в его сторону. Подумает, какая наглая девица. Как и Ф. Ф. Сходство тогда будет полным.

Ах, Ф. Ф. Ужасно хочется позвонить. Сходить в универ что ли. Здравствуйте. Здравствуй. Куда ты пропала? Но ведь не спросит. Люди странные. Мне было плохо. Мука. Я с трудом дозвонилась ему: «Я приду?» Ему некогда. Всё. Потом он звонит:

– Куда ты пропала?

А я не пропала. Если человеку не до тебя, зачем досаждать.

– Не звони мне ни домой, ни на работу.

Это он погорячился. Про работу не надо было говорить. Но он сказал. И я прекрасно понимаю, что он не хотел сказать мне и что, если я позвоню, то скорей услышу его тёплый, со скрытой радостью голос (как мне всё время казалось), но я боюсь, я ужасно боюсь, что у него будет плохое настроение, и боюсь, что если даже он ничем мне не покажет, подумает: ну вот, снова она.

Живи спокойно, дорогой Ф.Ф. Нет, не живи, живите. Я вас не потревожу больше, как бы мне ни хотелось вас видеть, слышать. Даже сильнее – слышать, чем видеть. Не могу забыть, не могу, не могу, не могу.

13 марта 1981

Куда я дела свою тетрадь? Нашла эту, с конспектами. *Число увеличивается, найти самое маленькое.* Наша классная называла своего мужа по имени-отчеству и на «вы», он был зав. горно и старше её. Мы хихикали, а как она называет его в интимной жизни?

Я смогла выдать из себя «ты, Фёдор». А как называет его жена? Федечка. Федюшка. Федорчик. Федорик.

Я придумала ему много ласковых имён. Осталось одно, короткое: Фед. Интересно, он вспоминает меня? Иногда мне кажется, что не может не вспоминать, а потом думаю, что забыл.

Простейшая иллюстрация метода конечных элементов (МКЭ).

Будет 1 Мая, надо будет пойти на демонстрацию. Встретимся. По крайней мере, я посмотрю на него. Не знаю даже, хочу или не хочу. Так, наверное, придумываю себе всё это, голову занять нечем.

Также, из определения меры через логарифмы...

Следовательно, из (4)... и, в силу (5)... (I).

Неравенство в обратном направлении... почти тривиально. Вам всё понятно, Надя? Только не пропадайте, Надя.

«Вы не забыли про меня, Фёдор Фёдорович?»

«Этот вопрос звучит как-то двусмысленно, я не знаю, что и подумать».

Меня прямо бросило в жар.

«Ну что вы меня в краску вгоняете? Я ничего не хотела

этим сказать».

«Я так понимаю: меня приглашают в гости?»

«Да».

Но настроение уже не то. Разговаривать даже не хочется. А тут ещё начинаются разногласия.

«Когда вам удобно, Фёдор Фёдорович?»

«Я думаю, в первой половине дня».

Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро? Вообще-то я люблю спать в первой половине дня.

(Потом он скажет: «Я говорю, в первой половине дня, ты говоришь, нет». Я этого не говорила!)

Я предлагаю:

«Тогда, может быть, в субботу?»

«На субботу у меня другие планы».

«Жаль».

«Ну ладно, я не могу обещать на сто процентов, но если смогу, то приду».

«Ладно. До свидания». (Всё понятно, не придёт).

Пришёл. И разозлился. Наверное, ожидал увидеть совершенно раздавленное существо. А здесь – цветы, стол к чаю накрыт, и я – сияю.

Чего он мне только ни наговорил. Фу. Фёдор. Нет, Фед.

– Я всё прекрасно понимаю, – говорю.

– Ничего ты не понимаешь.

Сам ты ничего не понимаешь. Я в тебе силы черпала, наверное, права не имела, хотела и на сей раз почерпнуть, а ты

последние отнял. И надежду отнял.

– А я вчера, сразу после твоего звонка, к тебе на такси приехал. Я думал, ты из дома звонила.

– Я не думала, что вы приедете.

Он сразу зло:

– Я тоже не думал, что ты так поступишь.

Что бы я ни начинала говорить, он сразу меня обрывал. Или отвечал так, что у меня отпадала всякая охота разговаривать.

– Я пошёл. Обещай мне, что с тобой ничего не случится.

– То, что могло случиться, уже случилось. А если и случится, вам-то какое дело?

(Я не извинилась, хотя выпад очень резкий, тут же это поняла, замолчала).

– Обещай, что ты ляжешь спать.

– Лягу. (Зачем обещать, я так устала, я так хочу спать, согреться, что у меня одна мысль – скорей бы в постель).

– Почему бы тебе не уехать к маме?

– Мне мамы и здесь хватает. Все нервы измотала. (Схватила. Замолчала).

– Не понял?

– Ну, это так – семейное.

– Я и хочу знать.

Захотел. Только что отругал, как мог, отбил всю охоту разговаривать. А тут нате...

– Ну почему ты молчишь? Я ещё не научился читать твои

мысли.

– И не научитесь.

– Почему?

– Для этого надо с человеком общаться.

Он что-то ещё говорил.

– Конечно, нам бы с тобой сейчас сходить куда-нибудь в кино, но мне надо на семинар.

Смешной человек, кино – это было бы нелогично после такого разговора. Да и кому нужно это кино.

Я очень виновата перед тобой, Фёдор. Нет, перед вами, Фёдор Фёдорович. Я виновата прежде всего в том, что не смогла вам объяснить ничего, сама вас разозлила, обрубила все концы. Это к лучшему. Жаль только, что у него осталось обо мне плохое впечатление. Плохое-неплохое, но не такое.

Я тоже разозлилась.

Я – человек, а не расшалившаяся кошка. Моя – и то вон шипит на меня изредка.

Что он себе позволяет?

В моём доме?

– Давай будем слушаться меня.

Будем слушаться вас в вашем доме, дабы не обидеть хозяйина, и будем слушаться вас в моём доме, чтобы оказать честь гостю.

– Ты всегда всё делаешь по-своему.

Я чуть не бросила ему: да, конечно, и в постель к вам я залезла против вашей воли, сделала по-своему.

Господи, что я снова взвилась? Обидно, ах, как обидно.

20 марта 1981

Сегодня была в гостях Лиля.

– Как там, – спрашиваю, – Фёдор Фёдорович поживает?

– Ничего. Мы с ним вместе стояли за огурцами.

– Ну, и как огурцы?

– Хорошие. Не горькие. Голос у него звонкий. Весна, что ли, так на него действует?

– Наверное, потому, что я не звоню.

Вот видите, Фёдор Фёдорович, вы цветёте. «Ты хорошо выглядишь». – «Спасибо. Вы тоже».

А сейчас? Вы цветёте. Я хирею. Безобразие. Я не знаю, чего больше хочу. Видеть его или не видеть. Но многое отдала бы за его голос: «Вы не пропадите, Надя».

«Какая ты маленькая».

«Неопытная?»

«Ты молодая, красивая».

Чудак.

«Девчонка совсем. Поцелуй меня».

«Я не умею».

11 апреля 1981

Завтра у Тани день рождения. Сижу думаю, где бы взять денег на телеграмму. Хотела сходить к соседям, но кто-то лежит пьяный в подъезде. А по радио – Поль Мориа. Какая

прелесть! Должна приехать Лиля, но её пока нет. Настроение – лирическое. Только вот кошка, дрянцо, умудрилась опрокинуть проигрыватель, и он вышел из строя, а я бы с таким удовольствием послушала пластинки.

В понедельник – на работу. Первые три дня я готова была на стены лезть со скуки, мне казалось, что я уже не три дня, а три недели на больничном. В тот понедельник мне дали больничный до самой пятницы, и я, счастливая, уехала домой к родителям, взяв животное – кошку эту. И там так расслабилась, что когда мне вчера предложили ещё неделю больничного, я чуть не согласилась, но вовремя спохватилась.

Теперь вот завтра – последний день отдыха и – на работу без продыха до конца квартала. Ужас! Но, наверное, летом будет легче.

14 мая 1981

Встретила его на прошлой неделе. У меня ведь по дороге нигде нет хозяйственных, а уж ежели я села в транспорт, то не выйду. Это так, лирическое отступление. И пошла я с нашей сотрудницей, она живёт возле ОДО⁸. Нюх потеряла. Подумала, что очень мала вероятность встречи. Тем не менее встретились.

– Ну как работа?

– Спасибо. Хорошо.

⁸ Окружной дом офицеров.

И в таком же духе.

25 мая 1981

Наш Николай Филиппович подстригся. Как мальчишка. Ходила к нему на ЭВМ.

– Надежда! Кто тебя учил так писать?

– Что?

– На машине.

– В универе научили, – и пошла.

– Ты уже уходишь?

– Да, иду принимать к сведению ваши замечания.

Встал. Взял мою программу, точнее, листинг, начал объяснять. Руку поставил, я у него под рукой оказалась, он высокий. Приятно, чёрт побери.

В прошлую субботу, поздно вечером, раздался звонок. Игорь. Я похихикала: «Какой ты красивый». И ещё хотела спросить, чем он как раз занимается, но постеснялась. А потом оказалось, что он один был, то бишь без семьи. Сказал бы, зачем ко мне пришёл. Я бы, может, по-соседски и приласкала его, хи, хи.

7 июня 1981

Вчера выдали Лилю замуж. А позавчера я, идя на работу, решила позвонить. В обед, когда никого не будет. Набрала номер. «Алло. Алло. Перезвоните, вас неслышно». Слабо слышать, когда молчат. Но вдруг вздохнула глубоко и пере-

звонила:

– Здравствуйте, Фёдор Фёдорович.

– Здрав... Надя?!

– Да.

Сколько радости в голосе.

– Что-нибудь случилось?

– Нет. Ничего не случилось. Я просто очень соскучилась.

Господи, как мы хорошо разговаривали.

– А я как-то к тебе заходил, мне открыла какая-то женщина.

– Так это вы были? А мама мне так объяснила, что я никак не могла понять.

В общем, всё было прекрасно, никакого намёка на прежнее.

А потом вдруг под конец:

– Мы как-то не очень хорошо поговорили в последний раз.

– Да.

– Наверное, это я виноват.

– Нет, ничего.

– А что твоя мама про меня сказала?

– Что, к сожалению, как вас зовут, не запомнила. Сказала, что заходил молодой человек. В чём-то сером. Свитер чёрный. Нос длинный. Но стройней, чем наш папа. Точно без очков. И точно, что темноволосый.

– Значит, – смеётся, – есть кто-то светлый и в очках?

– Нет. Что вы.

– Оказывается, я – «молодой человек», – он порадовался.

Маме моей тоже комплимент сделал.

Фёдор Фёдорович, милый, хороший.

У тебя было такое счастливое лицо, дорогой мой человек.

Я сказала: «Не надо». Повторил таким глухим голосом: «Не надо». А потом: «Как настроение?» – «Знаете, когда как». – «У меня почему-то тоже».

А эти родинки на шее. И сам мягонький, мохнатый.

Всё готова забыть, простить.

– Мы сошли с ума.

– Почему?

– Я твой учитель, ты моя ученица.

– Я уже не ваша ученица.

– Сумасшедшая.

А голос счастливый.

Наверное, он думает, что я очень наглая. Вот и сейчас полгода пропадала, а потом вдруг соскучилась.

Но мне так захотелось его голос услышать.

Обещал позвонить и навестить.

13 июня 1981

Суббота! Рабочая неделя закончилась. Ужасная неделя.

Но наш Манников изменяется на глазах. Во вторник даже поинтересовался, где я живу. Сказал, что сам жил на Веере два года назад и всё время опаздывал. В среду я предложила

принести ему щётку и крем:

- Хоть ботинки почистите.
- Только попробуй.
- А что будет?
- Я вообще-то человек рискованный.

На следующий день он пришёл в джинсах и мытых ботинках. Эти его джинсики произвели фурор. На весь отдел. И отдел постановки ходил к нам смотреть.

«Я принесу вам щётку и крем?»

«Не надо. А то поссоримся».

Не стала спрашивать, в чём это выразится.

15 июня 1981

Родной мой, как ты живёшь? Сегодня у тебя был экзамен. А последний – 20-го, кажется. 20-е – это суббота.

Я вдруг поняла, что совсем не хочу тебя в гости. Что будет? Я не знаю, что говорить тебе. Тебе ведь совсем неинтересно слушать мою болтовню.

Хочется прислониться к нему, залезть под мышку, хочется, чтобы он погладил меня по голове, сказал что-нибудь хорошее. А то ведь опять я буду смотреть на него влюблёнными глазами, тянуться к нему, а он будет шараться от меня, вздрагивать. Это ведь неинтересно. Руки, я не помню, какие они у него. Большие, а на ощупь? Тёплые? Мягкие?

А ведь он ласкал меня. Сам большой. Рожица счастливая. Сбила меня с толку эта рожица.

«Вы мне скажите, Надя, что вы хотите: заниматься математикой или родить 10 детей?»

«А если я скажу, что хочу 10 детей, чем вы мне сможете помочь?»

«Ну...»

Смутился, взял фотографию, видимо, своего курса, показал двух девушек: одну, видимо, любил, а другая сказала, что хочет детей.

Она-то и стала его женой. У них два ребёнка.

Иначе, чем «она» он её не называет.

Был как расшалившийся мальчишка. Рубашка выбилась из брюк. Тащил какие-то книги. Показывал фотографии, диплом, аттестат, свидетельства всякие.

«Как вы будете домой добираться? Я провожу вас на такси, здесь совсем рядом стоянка. Нет, мы вызовем такси по телефону. Нет. Я вас никуда не отпущу, будете спать в той комнате».

Господи, я не могла ему слова сказать. Разве я думала, что это так кончится?

«Вы чай будете пить? Я несу. Вы так и будете спать в платье? Вы уже спите? Нет? К вам можно? Мне кажется, что у вас здесь лучше».

«Что вы этим хотите сказать? Предлагаете поменяться комнатами?»

«Предлагаю вам пойти сюда». А рожица светится, и глаза блестят. Я уже сижу на диване.

Платье слетает мгновенно. И уже «ты». «Какая-то у тебя застёжка хитрая».

«Не умеешь расстёгивать?»

И лифчик уже через голову снят. Трусики уже где-то на коленках, высвобождаюсь сама.

А тело у него большое и волосатое.

20 июня 1981

Сегодня суббота. Прибираюсь. Отдых.

В четверг зашли с сотрудницей в «Грампластинки», а там он.

– Здравствуйте, Фёдор Фёдорович!

Он мне почему-то тоже:

– Здравствуйте, Надежда. Вы опять с работы и опять здесь.

Поговорили немножко.

– Вы извините, Фёдор Фёдорович, меня ждут.

И совсем нестрашно. Даже про гости не заикнулась.

Прогресс?

Ночью мне снился Незнакомый мужчина. Снилось, что было что-то хорошее. Он говорит: «Надежда» и прижимает к груди мою голову. А я почему-то чего-то стеснялась что ли, отстраняюсь. Он обижается. Потом где-то лежит, рядом лежит, под одеялом. Я за волосы его ерошу, он недоволен. Беру за руку, впереди лес, веду туда. «Куда?» – «В лес. Что ли не любишь лес?» – «Очень люблю». И он уже доволен,

и мы уже идём по дороге, а впереди изумительный лес, из детства, из семидесятки.⁹

29 июня 1981

Наш Манников мне нравится всё больше и больше. Вчера он на ЭВМ посадил меня около себя:

– Я посмотрел твою программу.

– Где вы её посмотрели? – я покраснела как рак. – Это нехорошо.

– Случайно. Здесь валялась. Совершенно случайно. Зачем ты открываешь файл по этой системе?

– Я? Нет. Я открываю его как последовательный. Вы что-то перепутали. Вот посмотрите.

– Учишь вас учишь, а вы ничего знать не хотите.

– Да вы что. Я как губочка всё впитываю.

Пообщались. А сегодня я попросила посмотреть его программы. Он показал. Объяснял. Я никак не могла одного места понять, он, наверное, здорово посмеялся про себя, но я сразу сказала, что у меня бывает такое, я тупею очень резко. Он несколько раз объяснял. Но ничего, благосклонно, здорово не ругался.

Вечером за мной зашла Таня. Всё посмотрела. Её потрясли размеры нашей ЭВМ. Я ей составила синусоиды благоприятных и неблагоприятных для творчества и любви периодов. Она удивилась:

⁹ Челябинск-70.

– Всё совпадает!

Таня разводится с Серёжей. У неё сейчас трудное время.

8 августа 1981

Наконец-то суббота! Вчера Манников довёл меня до слёз.

Потом извинялся:

– Надя, извини ради бога.

Покраснел как свекла.

Сегодня звонил Женя, он, оказывается, всю неделю звонил, не мог дозвониться. Может, и Ф.Ф. звонил, не мог дозвониться? Позвоню сама. А что я ему скажу? Что у меня лимон высох? Который его к чаю дожидается.

4 сентября 1981

Много же времени прошло. Ф. Ф. давно вернулся из отпуска. Я не звоню. Тоже скоро в отпуск уйду. Теперь я человек независимый. На работе, кроме любимого электронщика, появился любимый начальник ЭВМ. Почему я его раньше не замечала? Сейчас мы друг другу светимся. Ах, как мне нравится, когда он рядом сидит. Большой. Улыбается. Нравится мне его на «вы» называть. Выговаривать: «Владимир Германович». А он сбивается с «ты» на «вы». Но теперь, наверное, уже чётко знает, что мы с ним на «вы». Девочки, операторы, с ним по-простому. Ещё у нас есть наладчики. Я покривлю душой, если скажу, что мне наш наладчик Паша не нравится. Нравится, только у него какой-то очень тя-

жёлый взгляд. Но в более тесном кругу, когда праздновали день рождения Тамары, он оказался гораздо приятнее.

Я чувствую себя сейчас вообще (без комплексов) привлекательной. Хотя никого не привлекаю. Говорю Паше:

– Наверное, мы вам очень надоели, и вы не хотите нас видеть (ЭВМ весь день барахлила).

– Нет. Наоборот. Очень хочу.

– Кстати, мы так и не познакомились. Меня зовут Надя.

– А меня Паша.

– Я почему-то так и подумала.

– Почему?

– Вас зовут «П. И. Леонов». Я и прикинула, какое есть имя на буковку П. Ну не Панкрат же. И почему-то не Петя.

13 сентября 1981

Итак, я в отпуске. В заслуженном, заработанном.

До свидания, любимый начальник машины, до свидания, любимый оператор Манников, до свидания, любимый наладчик Паша, до свидания, любимый электронщик Николай Филипыч, очень похожий на Ф. Ф. Ой, как подумаю, что целый месяц мне не будет улыбаться начальник машины... грустно становится.

Да, год назад я вышла в жизнь. Как много я узнала. Как много изменилось.

И всё совсем не так, как хотелось бы. Но никакой трагедии в этом нет. Живу без его поддержки. Так ли она мне нужна

оказалась? Нет. Только в начале было тяжело. Мне нравится на работе. Люблю ходить на машину. Люблю видеть там высокую фигуру начальника, его большие глаза, которые, наверное, всё-таки подмигивают мне.

Люблю хмурого Манникова. Не могу сказать, что люблю работу, но люблю бывать на работе, видеть своих сотрудников. Лену Огневу. А уж Владимир Германович – какая лапушка, даже вообразить трудно. И самое главное достоинство мужчин с работы, что это всё сотрудники мои, что быть ничего не может.

5 февраля 1982

Завтра мой младший братик Коля и его друг Вова улетают в Москву. Каникулы кончились. Мне очень грустно. Плакать хочется. Но что поделатъ? Коля пошёл к Васе в общежитие. Мы с Вовой остались вдвоём. Он собирался к родственникам на Вторчермет. И я (!), несмотря на холод (!!!), сказала, что провожу его. Конечно же, у сапога полетел замок, и мы провозились. Я начала нервничать. Человеку надо ехать, я навязалась да ещё и собратъся не могу. Он один раз заикнулся, что, пожалуй, поедет. Но потом мы с ним говорили о природе, о погоде. Он описывал, как у них, в его родных украинских краях, красиво. И тут, уже с превосходством, заметил:

– Ты просто нигде не была.

Это я-то? Да я в Киргизии родилась! Да мы с родителями пол-Союза исколесили, сколько городов понастроили!

Так мы и возились с моим сапогом. Я уж не стала про многочисленные санатории в Крыму и на Кавказе рассказывать, за меня это сделала мама:

– Я свою семью каждое лето на море вожу!

Мгновенно сапог был починен, Вова и я пошли.

В троллейбусе я его развлекала историями всякими, как глупенькая болтливая девчонка.

Вдруг спохватилась:

– Тебе неинтересно? Я замолчу.

– Нет, отчего же. Рассказывай.

– А как ты обратно со Вторчермета поедешь? Скучно будет одному. Ну ничего, меня вспомнишь, может, станет повеселей.

Доехали мы с ним до Фрунзе, оттуда пешком до автовокзала пошли. Он ушки у шапки опустил.

– Вов, давай зайдём в гастроном на секундочку, погреемся.

Зашли.

– Удивляюсь я себе, – говорю.

– Что ты удивляешься?

– Да так... – А сама думаю: «Зачем? Такая холодина, как меня сюда занесло? А сейчас ещё домой ехать».

Вышли из гастронома. Дорогу перешли. Спрашиваю:

– Всё?

– Да. Вот остановка.

– Да.

Постояли ещё, помёрзли.

– Ты иди, – говорит.

– Я подожду ещё. Если автобуса долго не будет, брошу тебя здесь и пойду.

– Не бросай.

– Не брошу.

Подошёл автобус, я помахала ему и побежала добираться до дому. А днём я подарила ему собачку: «Её зовут Тотош-

ка». Зачем я всё это пишу? Зачем? Мне очень грустно, очень больно, почему он такой маленький, точнее, почему я взрослая. Ему, как и Коле, 22 года. В принципе возраст солидный, я в это время замуж собиралась, Таня Аньку выкармливала.

Замуж! Вспоминать не хочется. А здесь такой чистый, хороший мальчик.

Он поздно вечером вернулся. Мама уже спала, Коли ещё не было. Я сидела на тахте, он – на раскладушке, читал Хэма. Мы, конечно, болтали. И мне вдруг показалось, что он подшучивает надо мной.

– Ты надо мной подсмеиваешься?

– Нет. Я совершенно серьёзен.

– Ты поглядываешь на меня с хитрецей.

– Я не поглядываю, я гляжу.

Меня в жар бросило. Отвернулась.

– Вов, ты это, ты соберись, а то утром суматоха будет.

– А что мне собирать? – Покидал что-то в свой дипломат.

– Ты ничего не забыл?

– Нет.

– Забыл.

– Что?

– Не вспомнишь – я обижусь.

Вспомнил. Он Тотошку забыл. Тотошка стоял на тумбочке.

Я потом ему всю ночь вышивала букву «В» на платке.

6 февраля 1982

Утром пошла их провожать. Мама поцеловала сначала Колю, потом Вову три раза. Вышли, ждём троллейбус.

Он, как обычно, руки в карманах, голову втянул. Я развязала ему бантик на шапке, опустила ушки.

– А то гастронома здесь нет, не погреемся.

Потом:

– Не обижай моего Тотошку.

– Не обижу. Он теперь мой.

Что-то мы ещё говорили. А у меня одна мысль в голове: «Это уже всё. Уже всё».

Коля:

– Надюша, тебе плакать нельзя, у тебя глаза накрашены.

– А я и не плачу.

Подъехал троллейбус. Они там, а я осталась.

Водителя ещё нет.

– Вова, – говорю, – выйди. А то я сама зайду.

Он вышел.

– Давай я тебя поцелую.

В одну щёку целую, в другую.

Он:

– А ещё раз?

Я чмокаю его куда-то возле уха.

– Ой, сколько родинок, – говорю.

– Вот ещё одна, – он показывает, справа над губой.

Целую. Приходит водитель. Я целую Вову в губы, я их да-

же не чувствую.

– Это всё, всё, всё.

Он краснеет. Вот стоят они вместе с Колей. Колю я не вижу, а он улыбается смущённо. Всё.

7 февраля 1982

Они уехали. Я не выдержала, разревелась, юркнула в подъезд и продолжала лить слёзы. Только успокоюсь, и снова вдруг нахлынет. Коле наказала, чтобы он сводил Вову в «Фотографию» и не забыл соорудить ему рожицу, пусть Вова, когда «птичка вылетит», развеселился.

Пришла домой – тоска. Было у меня три братика, а тут ещё один прибавился.

23 февраля 1982

Поздравили наших мужчин. Коле и Вове послала подарочки, может, уже получили.

1 марта 1982

Сижу на больничном. Тоскливо. Летом снова в московскую клинику. Почти 2 года прошло. Прооперируют, не прооперируют, мне уже всё равно. Я срослась со своей болезнью, как и она со мной.

8 марта 1982

Приходили с работы, принесли мне мимозы – приятно.

Коля прислал фотографии, не забыл мой наказ – они улыбаются. Такие красивые. У Вовы на личике родинки, я все изучила. Вспомнила, как он мыл посуду, закатал рукава, родинки на руке обнаружили. А рука мужская.

16 сентября 1982

Я в Москве. 2-ого октября уезжаю, с 4-ого – на работу. Про клинику писать неохота – всё то же. Таня плачет, я её утешаю. Познакомилась с её Большой Любовью. Сегодня они, тайком от всех, поженились. Что будет, не знаю. Тихо отметили такое событие – Зигфрид, Таня, её подруга с мужем, я, Анька, Коля и Вова.

17 сентября 1982

Я спросила Таню:

– Мы с Вовой поедem к нему?

«Благословит», поеду. А нет... всё равно поеду.

Она смеется:

– Конечно!

На следующий день мы вернулись, она спрашивает:

– Когда свадьба, дорогие?

Она в шутку спросила, а мы всерьёз подали заявление.

Но я сначала сказала, куда нам торопиться. Он знает, что я больна, но я не знаю, знает ли он, как. Но он всё равно повёл меня в загс.

3 октября 1982

Маме ничего не говорю, боязно. Она может с улыбкой сказать: «Конспираторы!» Но может и тако-о-ое устроить!.. А у Вовы с его родителями очень непростые отношения.

Как он там без меня?

Ему сейчас, я знаю, гораздо хуже, чем мне – я помню, как он уехал, а я осталась, и всё, абсолютно всё напоминало о нём, а мы тогда были просто знакомы.

Не буду наводить грусть, напишу, как доехала, как встретили и т. д.

Села я в 14 вагон. Поезд поехал, я вздохнула и потащилась вперёд. А вокруг сочувственные взгляды, типа: «Ну что же вы? В последнюю минуту запрыгиваете». Но сочувственных действий не встретила, пока не протащилась пол-вагона. Тут какой-то дедок встал передо мной:

– Девушка, вам куда? Не наша ли соседка будете?

– Не ваша, – говорю, – грустно. Мои соседи в 10 вагоне.

– В 10? – он даже присвистнул. – Вы вот что. Вы пока сумку здесь оставьте, вот наше купе. Отнесёте чемодан и вернётесь за сумкой. Я посторожу, не волнуйтесь.

Пошла я дальше с чемоданом, а он тяжёлый, бедного Вову вспомнила не один раз, как он нёс эти тяжести? Вагон трясёт, и опять все сочувствуют. Но желающих помочь... в общем, не помню как, помню, что дошла. Смотрю, купе двухместные, мягкие, проводница глядит с подозрением, непонятно только – на меня или на чемоданишко. И кричит куда-то:

– А вот вам и соседка!

Заходит здоровый парень, думаю про себя: «Слава богу, что Вова не видит». Он ревнивый. Дальше следует обряд знакомства, он что-то говорит, а у меня одна мысль: «Сумка». Снимаю пальто, сажусь, дух перевожу и иду к сердобольному дедку.

На обратном пути зато у меня не было отбоя от желающих помочь, они, видимо, думали, что сумка легче, чем чемодан. Но тут уж я строила из себя гордую и независимую, пока не шлепнулась прямо в руки какому-то дядечке. Он и доставил меня на место. На следующий день зашёл навестить.

Принесли бельё, принесли чай, мой сосед пропал, я перекусила. Не плакала. Просто Вовочку вспоминала. И тут явился мой сосед. Не про ёжиков же с ним разговаривать. Интеллигентно осведомились друг у друга о книжках. Вдруг врывается какая-то девица:

– Генка, пошли в картишки перекинемся.

Он ко мне:

– Пойдёмте в карты поиграем.

– Я не умею.

– Мы вас научим.

– Нет. Спасибо. Я устала сильно, и мне хочется отдохнуть.

– Ну и прекрасно. Ты иди, – он ей говорит. – Я вообще тоже не выспался.

Я-то думала, что он сейчас уйдёт, а уж я полежу, отдохну, Вовочку вспомню. И вспомнила Экзюпери: ты навсегда

в ответе за всех, кого приручил.

12 октября 1982

Здравствуй, Вовочка!

Я начала сочинять письмо сразу же, как поезд тронулся. Думала о тебе, думала, думала. Придумывала ласковые имена, сочиняла ласковые слова. И поняла, что действительно за ночь можно сочинить «Я помню чудное мгновенье». Вовочка, ты единственный в целом свете. Я вспоминаю тебя, и меня переполняет нежность. Мне всё-всё в тебе нравится, ты самый красивый, самый умный, самый хороший, самый ласковый, самый нежный, ну в общем самый-самый. Это даже не поддаётся описанию, это сидит где-то внутри меня. Наверное, такую же безграничную нежность вызывает у матери ребёнок. Очень хочется обнять тебя, целовать твои глаза, губы, руки, всего тебя. Люблю тебя. Люблю в тебе и мужа, и ребёнка. Лапушка мой, просыпаюсь утром, а тебя нет. Ты просыпаешься – меня нет. Как же так?

Лапушка, мы созданы не для семейной жизни, а для совместной жизни.

9 ноября 1982

Вовочка, я люблю тебя. Просыпаюсь утром с этой мыслью. Днём, среди сереньких будней, суеты, потока людей, потока информации, вдруг является светлая мысль: Ведь я люблю, где-то ходит мой муж, в такой же суете, толкотне, но мой

муж, мой любимый человек.

А по ночам мы ходим по моему городу. Я тебе рассказывала, что мне часто снятся места, в которых я вроде никогда и не была наяву. Мы идём по улице, и я знаю, что за следующим домом будет церквушечка, а за ней будто бы совсем другой город – светлый. Солнечный, зелёный, с большими каменными домами, а за тем розовым домом мы снова попадём в прежний город – узкие тёмные улочки с маленькими домами, а дальше будет зелёный сад и будет тепло, будет лето, а в маленьком городе была зима.

Вот так мы по ночам гуляем с тобой по всем временам года, шагаем из осени в весну, из зимы в лето. Где-то ты всё время теряешься, или это я теряюсь. Но каждую ночь тебя вдруг не оказывается рядом, и я никак не могу понять, в каком месте, в каком времени года мы потерялись, и не могу вспомнить, простились ли мы? Если да, то на сколько, ждёшь ли ты меня где-то и когда?

Наступает ночь, и мы снова бродим по этому городу. Иногда мы там живём. Всегда в разных местах. Бывает даже, что в одной и той же квартире, но не в одной комнате. И всё это я уже знаю, всё это мне знакомо.

Вовочка, мои руки соскучились по тебе, им надо ласкать тебя, где же ты?

22 ноября 1982

Вовочка, любимый мой Вовочка. Получила я ещё одно

твое письмо и письмо от твоей мамы. Солнышко ты моё, я написала тебе уже всё, что я думаю по поводу квартиры. Видишь, как у нас с тобой получается. Ты там, я...

25 ноября 1982

Милый мой, почему ты пишешь, что я перестала тебе писать? Солнышко, я пишу тебе, я стараюсь каждый день писать, не всегда получается, но за выходные одно письмо я всё равно пишу. Я тебе хочу написать такое большое-пребольшое письмо, очередное объяснение в любви. Вовочка, я пишу тебе, я пишу тебе каждый день почти, мне уже даже стыдно.

28 ноября 1982

Два месяца, положенные на размышление, пролетели быстро. 6-ого декабря регистрация. Не верится, что мы скоро увидимся, теперь уже наяву. Беру недельный отпуск за свой счёт, четыре дня на дорогу, чтобы вместе побыть, останется всего ничего. Могла бы взять больничный, но не хочу.

12 декабря 1982

Я снова дома и снова пишу. Меня встретил Вася и спросил, как мне в моём новом «окольцованном» положении? А я спросила, неужели заметил? Конечно, ответил Вася, слепым нужно быть, чтобы не заметить. Я думала, он о моём излучении, нет, лучении говорит, а он – о колечке.

Смеётся:

– А я и о том, и о другом.

Какой он красивый, наш Вася. Добрый, умный, а главное – наблюдательный.

– Как мама? – спрашиваю.

– Побушевала и успокоилась. Что ты, маму не знаешь? Беляшей напекла.

– Ну... пошли!

17 декабря 1982

Здравствуй, дражайший супруг мой Владимир!

Не устали Вы ещё, любезный, письма получать от жены своей? Просьбу Вашу писать Вам по пол-листочка как понимать? Устаёте читать наши каракули? Глазоньки Ваши – наши любимые – побереечь хотите? Читать не успеваете или ещё как?

Но уж прости меня грешную – не получается у меня по поллистка. По три – самое малое. Я, если тебе один день не напишу, как-то себя не очень хорошо чувствую. Но у меня была такая сумасшедшая неделя, которая чуть не закончилась плачевно для меня, точнее, для кольца, которое Вы соизволили мне на пальчик безымянный своею ласковой ручкой надеть. Я его чуть не потеряла. Но нашла! Два дня после этого ходила и напевала: «Сронила колечко со правой руки», и ещё, как назло, Зыкина сегодня эту песню запела. И вообще, держите Вы меня в строгости, муж мой любимый. Не

знаешь случайно, почему я так тебя боюсь? Вязала тебе жилетик, а потом вдруг поняла, что тебе не понравится. Ты ведь такой аккуратист. Распустила, начала снова. А я никогда ничего не распускаю, все идеи приходят по ходу работы, а тут вяжу, и мне нравится, в общем, пролила кучу слёз, взяла себя в руки, вяжу – но теперь боюсь, что не успею к твоему дню рождения. И мне совсем страшно. Конечно, я могу ещё раз позвонить и узнать, но опять же таки боюсь приставать к тебе с такими пустяками. В общем-то не смертельно, конечно, знаю, что если тебе не понравится, ты скажешь честно, просто очень жаль своих трудов, я ведь достала хорошей шерсти. Чего не сделаешь ради любимого мужа. Ничего, потом можно будет перевязать. Конечно, эти мои проблемы смешны по сравнению с мировым прогрессом, но это мои проблемы. Извини, пожалуйста, что я тебе об этом пишу.

Смотрели с мамой «12 стульев», телевизионный фильм. Я его раньше не видела. Замечательный фильм. На протяжении всех четырёх серий смеялась над каждой фразой, а потом вдруг стало очень грустно.

А мама купила отличный материал на шторы: «Вам на новоселье». А мне, знаешь, начинает нравится жизнь по отдельности. Вроде бы как замужем и вроде бы как свободный человек. Я уже привыкаю к этому. Хорошо любить на расстоянии. Главное, писать, что любишь, скучаешь, и ничего больше не надо.

19 декабря 1982

Здравствуй, Вовочка!

Ты получаешь мои письма?

Сны мне снятся не очень приятные. Я никак встретиться с тобой не могу, ты всё время уходишь.

Завтра – празднуем на работе. День рождения у сотрудница. Зачем-то я согласилась торт купить, всем идти специально, а мне по пути. Тешу себя тем, что могу на целых полчаса дольше поспать. Правда, без меня не смогут сделать злополучный АСКИД, а время на машине с 9 часов, но это можно будет перенести. Надеюсь, наши догадаются договориться с операторами. У меня зато великая радость – я скорректировала свои программы с учётом буквы в индексе, но до конца всё проверить не могу, так как жду от Рохлиной контрольного примера. Надо мной смеются, разве, говорят, не знаешь, где стоят телетайпы, как они включаются, как набивать, что набивать, Рохлину-то долго можно ждать. Но я жду.

Сейчас по телевизору был фильм «Служили два товарища». Хороший фильм. К сожалению, я пропустила начало и потом смотрела не очень внимательно, но фильм всё равно чудный. А в программе «Время» рассказывали про наш Верх-Исетский завод. Пустячок, а приятно.

Папа напечатал фотографии – Таня и Аня приехали. Я спросила про наши, папа сказал, что теперь мы на очереди первые. Правда, я уже долго стою первая на очереди. Но надежды не теряю. Так что фотографии мы когда-нибудь где-

нибудь как-нибудь получим.

Ну что тебе ещё написать? Нашла бы что сказать, если бы ты был рядом.

20 декабря 1982

Таня всё рассказала. Была большая разборка. «Какой такой иностранец?!» – кричала мама. А папа сказал: «ГДР – дружественная нам страна».

23 декабря 1982

Лапонька моя, здравствуй!

Я перестала тебе писать. Было очень много работы.

Как ты там живёшь, Вовочка?

Я скучаю без тебя. Старею без тебя. Плохо без тебя. Нелзя мне грустные письма писать. Но знаешь, грустно мне почему-то.

Вроде бы всё хорошо. Систему мы сдали, правда, с некоторыми оговорками, сразу идут переделки и прочая. Но главное, что сдали в срок. А то не очень приятно сознавать, что из-за меня премии могут лишить. Разговоры-то ходят давно, что премии мы и в этом квартале лишимся.

Погода не очень-то плохая.

24 декабря 1982

Вовочка, любимый мой, здравствуй!

И опять от тебя нет письма. Я бежала домой с работы, по-

чему-то казалось, что будет письмо, а его опять нет. Грустно. Те твои письма я совсем зачитала, почти до дыр. Уж и не знаю, что тебе писать. Снова тебе в любви объясняться? Тебе это, наверное, уже надоело. Ничего новенького.

Лапонька, ну правда, я так тебя люблю. Так скучаю без тебя. Каждый день жду десяти часов, когда тебе можно будет позвонить. Засекут меня когда-нибудь на работе, но я не могу не слышать твоего голоса. Со страхом жду Нового года. Обычные дни ещё ничего проходят, работы очень много, отвлекаюсь как-то. А Новый год есть Новый год. Плохо мне будет без любимого мужа. Солнышко, я бы приехала к тебе, но самолёт, да и ты не очень-то приглашаешь. Ещё целых семь дней, а мне уже плохо, прямо чувствую, как будет тошно в сам Новый год.

Вовочка, ну почему так плохо без тебя? Меня в секторе пытаются растормошить, приобщить, я вообще-то член редколлегии, но ничего не могут добиться.

Требуют ещё от нас с Огневой АСКИД. Сегодня с утра мы вводили перфоленты, но не учли некоторых ситуаций, и программа сработала не совсем верно. Манников опять сказал нам с Огневой всё, что думает о нас, о системе и прочем, ещё он внёс большие изменения в нашу программу, ещё ему нужно скорректировать свою программу перекодировки, а машина на профилактике. От нас требуют, чтобы в пятницу всё уже было готово. Мы вечером с Огневой машину обманывали, и мы её обманули. Если так пойдёт и дальше, то

очень может быть, что к пятнице мы добьёмся больших результатов.

27 декабря 1982

Любимый мой, здравствуй!

И опять от тебя сегодня нет письма. Я задержалась на работе на 3 часа, бежала домой и думала – приду, а там письмо. Прихожу. А письма нет. Грустно. Завтра выхожу во вторую смену, это к часу надо являться на работу, почту приносят после двенадцати, я сказала на работе, что пока почты не дождусь, не приду. Вчера мы с мамой наелись пельменей так, что песни петь захотелось. Грустные. Из-за Тани. Мама возмущается:

– А что с диссертацией?! Всё коту под хвост из-за этого иностранца! Вся в папу! Ваш папа...

И т. д.

Так что выпили мы с мамулей шампанского за всех Вовок и Вовочек. Папу в его детстве Вовкой звали.

28 декабря 1982

Солнышко моё, здравствуй!

Наконец-то я получила твоё письмо. Вовочка, можно одно замечание? Нечестно это, пишешь, что хорошо, что не писал, так как собирался писать глупости. А я что тебе пишу?

29 декабря 1982

Здравствуй, солнышко моё!

Я люблю тебя, Вовочка. У меня уже билеты в Москву на руках. Сама себе диву даюсь. Я – такой инертный человек и вдруг собралась лететь Новый год с тобой встречать. Я ску-чаю по тебе, я хочу к тебе. Лапонька, ты забываешь всё вре-мя, что женился на математичке, да? Может быть, ты вооб-ще забыл, что женат.

Я пишу тебе всякие глупости.

30 декабря 1982

Лапонька, здравствуй!

Солнышко, я давно в любви тебе не признавалась. Я тебя очень люблю. Скучаю без тебя. Мне даже не верится, что уже совсем скоро я тебя увижу. Представляешь, ты будешь меня гладить, а я действительно буду мурлыкать у тебя под боком. И глазки твои на меня смотреть будут и сиять будут. А я целовать их смогу.

6 января 1983

Лапонька, здравствуй!

Купили мы с мамой подсвечник – подарок с Урала. Он не совсем что бы однотонный, видно игру камня, переходы от прозрачного к матовому и с прожилками! Красиво!! А коробка! Кто будет больше рад, твой папа или твоя мама? Мы подарим его папе? Или маме?

Соскучилась по твоему голосу. Хожу с утра на машину,

работает она безобразно, Огнева на больничном с дочкой, не могу отойти от машины, но чувствую, что побегу тебе звонить.

Вчера мы ходили к Тамаре Сергеевне (это наш начальник сектора) смотреть её чадушку, которой завтра стукнет 3 месяца. Праздничная девочка. Такая лапушка, и у этой лапушки уже зубки режутся (вообще-то у нормальных детей к 6 месяцам появляются первые зубы).

Я купила тебе носки. Они, правда, тонкие, но я соблазнилась вывеской ALL WOOL, и опять же таки они индийские, представляю ALL WOOL из Индии, но, знаешь, реклама – вывеска. Если не понравятся, их можно распустить и перевязать, добавив ещё какой-нибудь ALL WOOL.

14 января 1983

Здравствуй, Вовочка!

Вот и ещё одна рабочая неделя кончилась. Впереди суббота-воскресенье. Что ты будешь делать? Грустно тебе будет без меня.

Вовочка, Вовочка, лапонька, солнышко, до чего же я к тебе хочу. Точнее, хочу быть рядом с тобой. Растормошить тебя надо.

Какой-то ты у меня уже нерадостный. Я тебе звоню, а ты не рад. Надо же радоваться, лапушка. Хорошо ведь, что есть телефоны, есть почтовая связь. А жили бы мы в начале века? Да это письмо от Екатеринбурга до Москвы месяцами бы

шло. И голос мой ты бы услышать не мог, а я твой. Лапонька, я очень люблю тебя.

Пытаюсь понять, отчего ты грустишь, и понять не могу. Нет, я, конечно, понимаю, но всё-таки не надо так сильно грустить. А то твоя грусть передаётся мне, и я теряю часть своего оптимизма.

Мы сейчас на работе пьём краснодарский чай, который ты мне подарил, который заварил Манников, который все хвалят. Вкусно. Все тебе привет передают. Я – совсем-совсем пламенный.

Кузенька ты мой любимый, лапушка-лохматушка. Я старею без тебя. Мне страшно, как ты меня покажешь своим, на фотографии я такая молодая. Или это просто зима? Но я смотрю – ведь есть и красивые женщины, несмотря на зиму. А я старею и страшнею. Ты меня узнаешь?

Совсем глупое письмо. Но мне просто хочется называть тебя ласковыми именами и говорить, что я люблю тебя. Ты так представь себе: я рядом, твоё лицо целую, говорю тебе в ухо: Вовочка, любимый. Представил? Тебе веселей? Лапочка, Вовочка, люблю тебя.

16 января 1983

Отметили день рождения Аньки. В последний раз. Десять лет исполнилось человеку, а одиннадцать будут уже праздновать далеко-далеко, так далеко, что и думать страшно. Одно утешает – ребёнок полон надежд и ждёт перемен с неопи-

суемой радостью.

19 января 1983

Здравствуй, Вовочка!

Лапушка ты моя, знаешь, я на тебя сильно обиделась, думала, что это надолго, пока тебя не увижу, тёпленького, ласкового, не пройдёт. А прошла пара дней, и я поняла, что не могу на тебя обижаться, глупо, нелепо, самой надо было сдержаться. Вовочка, очень скучаю по тебе. Не могу я так.

21 января 1983

У меня в последнее время получаются какие-то грустные письма. Наверное, просто мы давно не виделись, и надежды на скорую встречу мало. Смотрела «Песню-82», повтор. Вспоминала тебя. Новый год с тобой. Три дня. Как сон. Целовать тебя хочу. Спать с тобой хочу. Вечером ложиться с тобой и утром просыпаться с тобой. Тебя хочу. Ты такой красивый, такой мохнатенький.

6 февраля 1983

Проводили Таню и Аню. Ревём.

8 февраля 1983

Здравствуй, Вовочка!

Вчера ко мне заявился гость. Женя, мы вместе учились. Примерно с полчаса мы с мамой развлекали его разговора-

ми, потом вдруг он (а сидел по правую руку от меня) спохватился, пощёлкал меня по кольцу и спрашивает:

– Чего это такое надела?

(Вообще-то он приехал в командировку на два дня и на работе меня застал просто чудом).

Я, конечно, возмутилась.

– Ни при чём здесь я, – говорю, – муж надел.

– Как муж?

– Обыкновенно. Замуж вышла.

– Где же муж?

– В Москве.

– Что он там делает?

– Учится.

В общем, мой гость Женя хлопал глазами ещё с полчаса, потом догадался меня поздравить.

– Никак не могу поверить, что ты замуж вышла.

Странные люди, сам-то женат уже год, а я, видишь ли, не могу.

11 февраля 1983

Получили телеграмму – Таня и Аня в Потсдаме.

25 февраля 1983

Здравствуй, мой хороший!

Принесла сегодня фотографии наши Огневой показать. Сейчас смотрю на них и думаю, до чего же ты у меня краси-

вый, смотреть больно, а уж ежели ещё и пёрышки почистишь – глаз не отвести.

А мне сегодня снилось, что мы спали вместе – свернулись два калачика, я внутри, ты снаружи. У меня очень холодно, сплю с грелкой, а тут проснулась оттого, что очень жарко стало мне внутри тебя. И ведь сразу со сна не сообразишь что к чему, мысль такая – тебе-то, наверное, холодно, надо теперь наоборот калачику разместиться, тебя согреть, а тебя-то и нет. Грустно.

Это я просто очень вчера расстроилась с твоим письмом. А мама моя карасём вертится, зачем, мол, тебе, доченька, в Москву переезжать, Вова закончит институт и может здесь работать. Ты можешь? Я так свою работу люблю. Но тебя я, конечно, люблю сильнее. Куда ты, туда и я. А мама прочитала твоё письмо, есть у неё такая привычка чужие письма читать, я даже сунула ей конституцию: тайна переписки... нам, гражданам... конституцией... А вообще-то, проехали.

28 марта 1983

Здравствуй, любимый мой Вовочка!

Работаю сегодня первый день после больничного. Мама завела будильник на пол-седьмого, но я всё равно боялась проспать, просыпалась всю ночь. Утром уйду, а по радио говорят о трудовой дисциплине, о прогулах и опозданиях, о более эффективном использовании рабочего времени, в общем, страшные вещи говорят. Но я не опоздала! С утра се-

годня уже вошла в рабочую колею. Но Огнева на больничном, она очень много уже сделала, мне трудно разобраться в технологии, а записей она мне никаких не оставила. Я сижу и думаю над корректировкой программы, всё остальное по ходу работы всплывёт.

Без тебя так грустно. Я вчера проплакала, нет, проревела весь вечер. Фотографии смотрела, любовалась тобой.

У нас наступила весна. Мы в обеденный перерыв с девочкой одной пошли в аптеку. Точней, она пошла и меня уговорила. Здесь ведь напротив находится кладбище, через него мы и пошли. Знаешь, снег кругом, тишина, трамваи видно, но не слышно. Почему на кладбище такая тишина? Это я к тому, что после обеда у меня начисто исчезло рабочее настроение, а тут ещё пришла Щербинина (наш экономист) и сказала, что неправильно было оформлено заявление о продлении отпуска за счёт больничного. В общем, получилась накладка на один день и больничный без содержания. А переписывать приказы они не хотят. Придётся мне ещё один день без содержания в этом месяце брать. Так как я должна им два дня, один день я отработаю, а мне его не оплатят, второй же день я вот сижу и отрабатываю.

5 апреля 1983

Здравствуй, Вовочка!

Лапушка моя, до чего же я тебя люблю. Так нельзя, наверное.

Я только о тебе и думаю.

К тебе хочу. С тобой всегда и везде быть. Вовочка, я, наверное, тебе уже надоела. Но мне, честное слово, в голову вообще ничего не лезет. Я совсем закрутилась, не успеваю тебе звонить, и у меня с 10 до 11 настроение хуже не придумаешь. Ладно, наши знают, что у меня куча работы и Огневой нет, ко мне не пристают. А вчера в лифте женщина с междугородки истоналась вся:

– Такая маленькая, такая худенькая, а сколько бумаги несёт.

Я прихожу с ворохом бумаг и начинаю разбираться. Но вроде бы пока всё успеваю сделать – операторы работают, я только контролирую их, подсказываю, документацию я оформила, даже технологу написала всё подробно, пошагово, как что делать, где какие файлы находятся, что можно сделать. Корректировку тоже закончила, даже по просьбе операторов скорректировала 4 задания. В общем-то надеюсь все хвосты подмести, которые могу. Хорошо, у меня такой стимул есть. Хорошо, что ты у меня есть, Вовочка. Вовочка, Вовочка, лапушка моя, золотце, солнышко, неужели ты действительно приедешь через неделю, и я тебе всё это наяву скажу, и ласкать тебя можно будет наяву, и целовать наяву, Вовочка, милый мой, скучаю по тебе.

Я иногда думаю, что надо быть более сдержанной в своих чувствах, не показывать тебе очень-то свою привязанность, может быть, ценить больше будешь, но не могу.

Семья

I.

1

22 февраля 1985, Свердловск

Здравствуйтесь, Таня, Аня и Зигфрид!

Ваши письма получила, спасибо! Только опять не поняла, причём тут халатик для Нади? И вообще о Наде, пусть живёт и здоровствует, она и болеет по своему же упрямству, ей врачи в Мосрентгене не нравятся, так что? Везде врачи, как врачи, просто везде сначала ходит мама, а потом уж, естественно, и отношение другое. Они ходили с Вовой и всё быстро оформили без проволочек, так чем недовольны? Просто надо не самолечением заниматься, а плановым лечением по предписанию врача и не доводить себя до такого состояния только потому, чтобы с Вовой не расставаться и Вову не мучить: по больницам за ней не таскать. Одним словом, я твои, Таня, претензии по поводу Нади не поняла, а про халат и тем более. Догадываюсь, что-нибудь опять Надя написала тебе. Ну, мы её простим, у неё сдвиги не в лучшую сторону с замужеством. Она и Вовиных родителей обвиняет, что приехали

тут, наговорили, помешали, довели, ну так что? Я перед Вовой чиста! Когда он прилетел в апреле 1983 г., я сразу задала два вопроса:

Я, Вова, тебе говорила, что Надя болеет. Он на это ответил, что это его не смущает!

Надя детей иметь не может, не разрешат! И это его не смущает.

Ну что? Ему решать. Ему жить. Тем более, у него была возможность самому во всём убедиться, когда она лежала в больнице в Москве. И что он мог, но не захотел родителям рассказать, это его дело, ему жить, ему и решать, хоть он и молод, и неопытен. Он захотел создать семью и получить квартиру и всё это проделал с космической быстротой и с запрограммированным результатом. И ещё добавлю: самостоятельно, без совета и помощи родителей!

Ну а Надя сейчас ко мне в большой претензии: зачем я её вытаскивала из тяжёлых ситуаций? Как она выразилась: «Уж лучше бы я умерла в 12 лет и не мучила никого!» Ну что тут скажешь? Лучше уж и эту тему не развивать.

Вот видишь, Таня, все меня же и обвиняют. И только потому, что в любом вопросе фигурирую я. А займи я позицию невмешательства, и меня все бы обошли стороной, и вопросы бы решали самостоятельно, и без претензий ко мне. Жизнь мне дала урок, но ничего уже не исправишь! Ну я жила, тащила, направляла, как мне подсказывала моя материнская интуиция, по-другому я не могла поступить, дотянула

вас до замужества, а дальше в сторону, так в чём я неправа? Ну на эту тему можно говорить бесконечно. Одно поймите: вы все здоровы (кроме Нади), выучены, работоспособны, труд для вас не источник благосостояния, а потребность, творчество, самоуважение. И если вы стали самостоятельными и выбор делаете сами, так это тоже корень, заложенный в воспитании (а может, в генах?), одним словом, мне за вас краснеть не приходится, и в этом моя гордость и радость! И сейчас, если вы спросите моего совета, я посоветую и помогу, но если вы сначала сделаете не так, как я бы могла посоветовать, и попросите помочь, тут я помогать не в силах. Вы переписывайтесь между собой, только не затрагивайте тему: «мама», будет лучше.

Философствовать заканчиваю.

Мне радостно читать ваши с Аней письма, я сквозь строчки читаю, что жизнь у вас бьёт ключом, всё у вас хорошо, и я за вас спокойна.

Ваша мама-бабушка.

24 февраля 1985, Свердловск

Здравствуй, Анюточка!

Спасибо за письмо и за твоё радостное настроение! Я рада, что ты живёшь очень интересной жизнью: каникулы, карнавалы. Живи хорошо, впитывай в себя всё, что видишь, слышишь, развивайся всесторонне. Умным, грамотным, всесторонне развитым людям, и когда они будут взрослыми, бу-

дет жить хорошо.

Так что продолжай учиться так же хорошо, как и училась эти пять лет! Будь здорова! Привет маме и Зигфриду, бабушке, дедушке и прабабушке!

Как по-немецки: бабушка? Дедушка?

Напиши, я буду по два-три слова немецких учить. Целую и обнимаю мою дорогую внученьку,

бабуля-дорогуля.

25 февраля 1985, Мосрентген

Дорогие наши Таня и Анютка! Поздравляем вас с самым первым, самым прекрасным весенним праздником (международным), с днём 8 марта! Желаем вам всего наилучшего, успехов в личной жизни, желаем приносить одни радости вашему единственному мужчине. Желаем получать одни радости от него (то бишь много радостей). Желаем любви теплей Чёрного моря, глубже самого глубокого океана (см. Физический атлас мира) и шире самого широкого (см. тот же источник). (Заодно и географии подучитесь). Много-много счастья. Много-много улыбок, много-много друзей и много-много всего очень хорошего. Целуем.

Надя. Вова.

24 марта 1985, Новогорск-3

Здравствуйте, Таня, Аня, Sigfrid!

У нас начались весенние каникулы – по старинным обы-

чаям масленица. Масляная (масленая) неделя!

Дни масленицы в народе называются: понедельник – встреча, вторник – заигрыши, среда – лакомства, четверг – широкий четверг, пятница – тёщины вечерки, суббота – золовкины посиделки, воскресенье – проводы, прощания, целовальник.

Масляная неделя – до великого поста, её чествуют, веселую, широкую, разгульную: пекут блины, катаются с гор и на лошадях, и потехи разного рода.

Немецкую масленицу справлять – гулять во время поста. Это я выписала из словаря Даля.

Даль толкует, что немецкая масленица на неделю от нас позднее, вот этой фразой, но больше ничего не сказано. А у вас, я поняла, масленица давно уже прошла. Ну это так по обычаям каждого народа, а с годами уходит в историю. Сейчас у нас масленицу называют официально: «Проводы русской зимы». Взрослые празднуют всё в два дня – суббота, воскресенье, а школьники неделю. Поколение, которое старше меня на 19 лет, то ещё соблюдает эти праздники, а я так, чисто символически: знаю, что после масленицы, через две недели, пасха, а через 9 дней – родительский день, день памяти всех умерших. Я, по обычаю, езжу в Шадринск, прибираю могилку мамы, сажу цветы, крашу надгробие и крест. То же делаю и на могиле деды Коли – мне ближе, чем папе.

Ну это я всё по твоему письму частями отвечаю.

Вчера приезжала Лина, двоюродная сестра папы. Как на-

зло, наша машина застучала, Костя целый день что-то с ней делал, и уехали они уже в 9 вечера. Я сейчас с нетерпением жду Костю, как доехали, узнать. Костя через день улетает в командировку на 45 дней в Красноярск. Я сейчас работаю в Свердловске и езжу опять туда-сюда. Но меня это больше устраивает, да и работа моя сейчас связана с этим городом, так что я везде на работе и везде дома!

У нас засветились путёвки в «Южное взморье», Адлер. Папе уже сказали, с 11 мая, а я ещё не знаю. А вообще меня устраивает май – я люблю на юге отдыхать ранней весной: мы с Аней и тобой, Таня, отдыхали в Сочи с 7 мая – прекрасно купались в бассейне, загорали, это было пять лет тому назад. Как время летит!

Ну пока. До свидания.

Целую и обнимаю дорогих своих девочек. От Ани жду письма. Зигфриду и его родителям большой привет. Через год, так я мечтаю, приеду с ними познакомиться.

Мамуля-бабуля-дорогуля!

P.S. Приехала в Свердловск, от вас писем и там нет, а от свата (Вовиноного отца) письмо. Такое хорошее, тёплое письмо! Вот уж, если умные люди, так и чувствуется сквозь строчки! «Мы вас уважаем, хоть и не знаем хорошо, уже за то, что сын любит вашу дочь». Тут у нас роли разные, а ума и такта хватает всем. Так ведь и Надя мне писала, что при встрече ей (когда мать у них гостила) было непросто, и при её-то состоянии она сумела обойти все острые углы, а отец,

когда приехал, вообще всё сгладил. И между нами (родителями) не пробежала «чёрная кошка». А наоборот, чем дальше, тем больше укрепляются хорошие добрые отношения.

Ну пока. Завтра-послезавтра напишу.

2 апреля 1985, Мосрентген

Здравствуйте, Таня, Аня и Зигфрид!

Вот уже много-много дней грызет меня совесть, но я ей, бедняжке, стала не по зубам: заставить писать она меня всё равно не может. С днём рождения Зигфрида, слава богу, обошлось – Вова купил конфеты, Коля послал, а там и телеграмму стукнем. С Таниным днём рождения хуже – конфет нет, почту закрывают на ремонт и приём посылок переносится куда-то в Новогиреево (не знаю, где это, но название слышала). Тут меня осенила блестящая мысль: лучший подарок всё-таки – подарок, сделанный своими руками. И, может, самое приятное будет – получить от меня маленькую писульку (не могу я тебе к дню рождения огромные письма писать...) Узнаешь, что я жива-здоровая, и сердце твоё возрадуется, и будет тебе это лучшим подарком. Вообще-то, я даже сначала думала тебе большое письмо написать, но, прости, отвыкла. Нас нынче письмами не балуют, я сильно не переживаю, только форму вот теряю. Правда, папа, начиная с февраля месяца, пишет еженедельные информационные отчёты (почти регулярно) о погоде, о спортивных достижениях, о том, что рассада уже растёт помидорная и т. д. Мама

пишет Коле трогательные письма о той (о Марине), которая полюбила и окружила вниманием (что-то в этом духе) её сыночка. Без слёз читать нельзя. Коле звонит, но так туманно объясняется, что мы знаем только, что она решила выбить из Серёжи алименты, что суд перенесли на 5 апреля, что с вашим приглашением к нам так и не выяснено. Ещё знаем, что Вася живёт с мамой в Свердловске. Март прошёл. 8-ого марта была хорошая погода, Вова выгуливал меня по Мосрентгену. Может, и 9-ого была погода ничего, но мы ждали сродственников, жарили-парили, они превзошли все наши ожидания – явились около 8 часов вечера. Обещано было в 4, но я знала, что это часиков в 6, а они так обманули наши надежды.

Таня, ты так далеко!

Но не будем о грустном. Навестила меня сотрудница, она была здесь в командировке, изучала базис данных. Мои сотрудники, как всегда, сделали мне сюрприз и по своим селекторным каналам прислали настоящую телеграмму. Наверное, вся Мосрентгеновская почта сошла с ума, они ведь не знают, что я бывший работник связи... в этом месяце (марте) даже сняли меня с довольствия, не принесли мне заслуженный пенсион.

Ещё нас в субботу посетил Костик. А в воскресенье мы получили очередную писулю от папы, где он пишет, что Костя уехал в Красноярск до какого-то мая. А их из Красноярска решили отправить на строительство самой мощной АС,

и укатил наш Костик в Прибалтику, участвовать в стройке века.

В субботу, 30 марта, Костик с Вовой отправились за билетами и на розыски Коли. Первое оказалось гораздо проще. А с Колей разминулись, оставили записку. Рано утром в воскресенье Коля уже был здесь. Посмотрели «Утреннюю почту». Сходили они в «Лейпциг». Потом пили, ели, смотрели телик, а часиков в 8 они смотались. Костя летел до Вильнюса, это из Шереметьева. Совсем близко от Коли. Вроде улетел.

Вова был в командировке в Киеве, где ему не понравилось, ещё всё голо. Обещали снова послать, но пока вопрос висит в воздухе. В апреле он берёт пол-отпуска, остальное догуляем в сентябре. Ведь вы же приедете? Да?

У Коли отпуск в мае. Они с Мариной ещё заявление пока не подали, срок у них до регистрации 1–2 месяца. Родители собираются в отпуск: у них с 11 мая путёвка в санаторий, хотя сначала к нам заехать, а на обратном пути заглянут к Вовиным родителям. Это наши новости. Коля сказал, что нас о дне регистрации извещать не будут. Не очень-то и хотелось. Главное, что Марину мы знаем. А как и когда – неважно.

Лапушка мой сделал полку на кухне, теперь мастерит стеллажи. Сегодня был в дружине, а завтра я попросила его сходить к нашей врачихе, близится перекомиссия, узнать, что надо, а что из выписки могут написать.

Это вкратце наш март.

Почти не читаю, телевизор смотрю одним глазом, почти

не вяжу, в общем, полная безраздельная апатия. Как дела у Зигфрида? Собирается ли он тоже с вами приехать? Я хочу связать тебе что-нибудь. Если не очень трудно, поясни, что бы тебе хотелось иметь. Из проверенных источников знаем, что у тебя была выставка. А у Ани каникулы. Что нового это принесло, где, как и прочее.

До свидания. Кончаю, трудно перечисть, оставляю это право за вами. Целую.

Надя.

21 мая 1985, Долгопрудный

Здравствуйте, Таня, Зигфрид и Аня!

Не помню, писал ли вам о том, когда свадьба, не помню, писал ли вам вообще, то есть дописал ли вам письмо, которое начал. У нас тут такие события. Первого июня, это будет суббота, у нас регистрация. В два часа дня по московскому времени. Мама с папой обещали в это время выпить шампанского, там у себя в Адлере. Вечером в девять часов мы с Мариной садимся на поезд и едем в город Ленинград, там мы пять дней живём в гостинице и возвращаемся. Эти все удовольствия предоставляют молодожёнам, надо было только мне встать однажды пораньше утром и съездить в Москву. Когда вернёмся, то поедem на юг. По-видимому, в Геленджик, а, может, в Адлер, к тётке Ефросинье, где ты, Таня, была с маленькой Аней.

Мама с папой по дороге в Адлер заехали в Москву. Вось-

мого мая вечером они прилетели, я их встретил, отвёз к Наде. Девятого утром мы с ними поехали в Москву, побывали у Большого театра, встретились на Пушкинской с Мариной и все поехали к нам в Долгопрудный. Познакомились наши папы и мамы. Посидели, поболтали. Мы привезли с собой бутылку рябины на коньяке (мама специально для этого случая добыла). Сразу доставать не стали, так как на столе уже стояло. Потом, к концу встречи, мама говорит, у нас тут для вас сувенир, достала. А после я родителей (своих только) повёл к себе в общагу, показать, где живу, в чём одет буду. Папа, как обычно, пошутил: «Коль, где тут винный? Успеем ещё взять». А мама с грустью сказала: «Вы, наверное, хотели зажать бутылку, а я отдала».

Вечером мы вчетвером поехали в Москву, смотреть салют. Я папе с мамой объяснил, как проехать в Олимпийскую деревню. Они посмотрели застройку, потом салют был очень красивый, 40 залпов. Там видно близко этот салют, который мы с крыши на Калужской видели. Они, конечно, не сошлись во мнениях, где смотреть салют, и смотрели в разных местах. Там, в Олимпийской деревне, конечная остановка 165, который идёт до «Лейпцига» (это слово я теперь произношу так: Лэпцыг, в автобусе подслушал). На другое утро мы поехали в Домодедово, так же, как тебя, Таня, провожали 30 декабря 1981 года. Ты везла лошадку для Ани, она мечтала о лошадке-качалке. Родители улетели. Уже звонила мама из санатория. Вода + 19, купаются в море и в бассейне. Санаторий

«Южное взморье», тот, наверно, в котором они тогда были, когда вы с Аней у тёти Ефросиньи жили.

Костя тут к нам приезжал на день. Он написал оттуда и больше не пишет, много работают, без суббот и до семи вечера.

До свидания. Привет от Марины.

Посылку получили, большое спасибо, куртку я ношу уже, Наде ботинки пришлись впору. Напишу вам с юга, когда будет дождливая погода.

Коля.

21 мая 1985, Адлер

Здравствуйте, Таня, Аня и Sigfrid!

Сегодня 12-й день, как мы в санатории «Южное взморье», погода стоит солнечная, +24, море +18, но я купаюсь, хоть утром вода +16. Несколько раз купались в бассейне, но мне не нравится – простора нет. Один раз ездили в Сочи на хор имени Пятницкого, в новом концертном зале «Фестивальный». 3-его поедем в Сухуми, больше пока ничего не привлекло, да мы уже и бывали везде. Так что в основном море и солнце!

9-ого мая были в Москве, побывали сначала у Большого театра, потом у памятника Пушкину, потом у памятника Горькому, познакомились с Мариной и поехали в Долгопрудный к её родителям. Родители приветливы, по-моему, мы обоюдно друг другу понравились. Марину я давно душой

приняла и вроде уж давно и знаю. Что интересно, что они с Колей похожи. Коля, наверное, писал, что они регистрируются 1 июня в 1.45, а вечером уезжают в Ленинград на 5 дней – это организованное свадебное путешествие для молодожёнов через Трансагентство. Я очень довольна, что они поедут в Ленинград, время хорошее – белые ночи. А потом поедут в Геленджик (ты, Таня, там была вместе с нами в 1963 году), если получится с путёвками, а если не получится, буду здесь договариваться с Ефросиньей, то есть всё равно – юг, море! К нам в этом году они не поедут. Жить будут у родителей Марины, в надежде на будущее. Отец особенно рад, что у него в доме появится мужчина – помощник. А то машина, гараж, дача – всё на одном было. Мама тоже довольна. Костя на регистрацию приедет, он в Литве, я писала. Если с путёвкой получится, тоже будет отдыхать в Геленджике.

Вот такие наши дела. До свидания. Целую,
мамуля-бабуля-дорогуля.

23 мая 1985, Мосрентген

Здравствуйте, Таня, Аня и Зигфрид!

Собираюсь всё с мыслями или с ответом (?) на ваше письмо-поздравление. Радовалась до обалдения рассказу о тюльпанах, сама не знаю, за кого больше: за Таню, за Аню или за себя. Чем-то таким хорошим, приятным, солнечным, точнее, совсем безоблачным пахнуло. Ну, что у нас? Вова ходит в новых штанах – спасибо за такой подарок! Намедни Коля

с Мариной нас посетили. Я красовалась в своей новой куртке и даже сама себе нравилась. С Мариной мы пошушукались, бельишко голубенькое мы держим от Коли в секрете, сюрприз будет к незабываемому событию. Из достоверных источников известно, что Колю раскатало письмо тебе написать. Получили мы письмо от Коськи, как раз в тот день, когда Коля с Мариной были у нас. Хорошее письмо, поездил в выходные дни по прибалтийским столицам.

У меня 27-го мая, то бишь в ближайший понедельник перекомиссия. А вообще-то я сейчас чувствую себя неплохо. Ползаю на внутривенные вливания, небольшой прогресс есть, по крайней мере в том, что сама добираюсь до амбулатории, поначалу только с Вовочкой решалась. За хорошее поведение в субботу ту, 18 мая, меня Вовочка вывел в город. Поехали мы в Ясенево, погуляли. Посмотрели «Груз без маркировки» киностудии Довженко, детектив. Новый кинотеатр открыли, два зала – на первом и на втором этаже. Вова Коле рассказывал, где-то даже «Danzig» разглядел. Мне-то всё равно. Буфет маленький – это я разглядела. Вот.

А на следующий день, в воскресенье, мы оказались владельцами огорода. Один Вовин сотрудник не может оказывать должного внимания своему огороду, нам прям на блюдечке ключик от этого рая принёс. Отправились мы туда. День холодный, солнышко, но ветер и холодно. Хороший огородик – стол, скамеечки, мангал, несколько кустиков малины, смородины, клубника и много-много грядок, точнее,

заросшей земли. Вова клубнику начал подчищать, а я так – травку дёргала. Выдали мне дощечку, на коей я сидела и дёргала. Надо просто вид придать этому огороду на первых порах, показать, что существуют владельцы, а то нынче всем (кроме меня) хочется огороды иметь. Вова, конечно, капитально клубникой занимался, ну а я с корнем ни одну травку вырвать не могу, немножко пощипала для вида, Вова потом всё это перекапывать будет. Семян нам с миру по нитке собрали. У меня, ясно, сразу перед глазами помидоры. Благо, что мы читали недавно, как даже на балконе можно выращивать помидоры. Может, на огороде вырастим, правда, мы в этом не разбираемся. Этот вопрос у нас ещё не решен в общем. Теперь зато огородик имеем. Часа два мы покопались в земельке, у меня насморк начался на ветру, да и дома нас ждали великие дела: стирка. Притащились домой. А лифт почему-то отключился. Пришлось мне снова прикидываться рюкзаком, а Вова – рюкзакотаскальщиком. Сгрузил он меня дома, дальше я плохо помню даже, ела что-нибудь, не ела, помню, что в 7 часов будильник зазвонил, я автоматом вскакиваю: «А? Что? Что тебе на завтрак готовить?» И вдруг: о счастье, солнышко в глаза бьёт, а у нас по утрам его не бывает, вечером только, то есть вечер ещё. Вот что значит непривычки-то 2 часа на свежем воздухе.

Мы, конечно, делаем иногда вылазки в город и на подольше, но ведь то «город».

В общем снова слегла, и Вова сейчас ходит на огород один.

Приходит с работы, ест и – на огород. Я ему пока только в балласт, со мной он в пути проводит времени раза в четыре больше. Вот в выходные снова сходим. А пока я мёрзну и сплю, очередная пропажа аппетита, хочется уже чего-нибудь такого-разэтакого, чего ещё нет. В общем, очередная спячка. Да, когда мы ходили в город, я и туфлёмки, тобой подаренные, обновила. (Здесь-то негде, по нашим хлябям и старые надевать жалко). Очень хорошо, удобно.

Наверное, я ещё что-то хотела написать, но вот что? Выкопали мы из закутков «болезнь Астенический синдром», насколько я поняла, это всё же сказываются последствия моего паралича, нарушение мозгового кровообращения было ведь. Ну, ты знаешь. Так что с чистой совестью могу говорить теперь: «Здесь помню, здесь помню, а вот здесь забыла».

Тань, письма не получают совсем в последнее время, и интерес к их писанию катастрофически падает. Ну ладно. Напишу после перекомиссии, как съездим, что увидим. Может, и очухиваться начну. Письма международные стали очень плохо ходить. Как дела у Аньки, у Зигфрида? Анька обещала фотографии прислать. Я Вове тоже предлагаю сходить в нашу «Фото», дом напротив, может быть, тоже сфотографируемся.

Ну пока. До свидания. Всех целую.

Надя.

30 мая 1985, Мосрентген.

Таня! Обещала написать письмо после ВТЭКа – вот я пишу. Вовочка у меня там сидит пишет реферат по английскому языку, а я сочетаю приятное с полезным: вылезла на балкон, дышу свеже-душным... в общем, воздухом. Нынче у нас четверг. В субботу у Коли и Марины регистрация, потом ещё напишу. Что у нас? Огород. Мы (здесь и дальше под этим подразумевается «мы пахали») на прошлой неделе почти хорошо за него взялись. Выдали нам кориандр, петрушку, морковь, горох, какой-то салат, укроп. С редиской мы проводим эксперимент, подошли к ней по-научному, прям как наш папа. Есть у нас «контрольная» партия и несколько «облучённых». На огороде редиска вся снова ушла в ботву, зато какая ботва (!), решили уничтожить её и посадить укроп, которому, наверное, вообще всё равно, где расти, и лучок. Зато на балконе редиска как-то буквально за одну ночь взошла. Чем объяснить? Не знаем пока.

В пятницу вечером отказал лифт и в выходные не работал. В субботу утром я сходила на укол, и стали мы собираться как в дальние края. Термос, бутерброды, овощи, фрукты, приёмник, в общем, чуть ли не до смены белья... Я благополучно мёрзла в тёплом Вовином спортивном костюме, а он раздевшись потом ходил. Нельзя сказать, что я уж совсем ничего не делала, я зарисовывала, где что, даже семена ему подавала, вносила, в общем, свою лепту.

В воскресенье мы решили встать пораньше, чтобы пораньше вернуться, помыться, отдохнуть перед предстоящей

ездкой в понедельник. Встали, снова банки, термосы, бутерброды, снова нагружаемся. Пока я готовила, что положить в банку, небо стало хмуриться, потом и дождик начал накрапывать. По радио, естественно, говорили, как хорошо в столице и окрестностях, небо голубое, солнце и прочая благодать. Пока мы дошли, дождь усилился. Вова стал сооружать мне навес, костёр, полтора часа только этим и занимался, а я сидела, сжавшись в комочек, и ворошила этот самый костерок не тогда, когда надо было, и он то тух, то гас с моей помощью. Вова ушёл месить грязь, а дождик тем временем кончился. А потом – и небо, и солнце, настоящий хороший день, всё очень быстро высохло. Короче, когда мы уходили оттуда, начался настоящий огородный день – все туда по-сухому, мы оттуда, правда, уже высохшие, но...

Вова меня выкупал, высушил, уложил, провели культурно-но вечер, а на следующее утро отправились в Домодедово, опять нагрузились как ишаки, на целый день всё же ехали. По градуснику температура была высокой, я продолжала мёрзнуть. В конце концов надела на себя ещё и Вовин пиджак. Дорвалась по пути туда до «Фанты», в результате мы опоздали на электричку, отправились побродить по окрестностям. «Фанта» булькала во мне аж до самого Домодедова, даже до самой конторки, в которой помещается ВТЭК, там я села на лавочку, чуть не задохнулась, чувствовала себя, как рыбка на берегу. Вова выудил из наших сумок термос, дал мне чаю, и «фанта» вдруг улеглась, и дышать стало легче.

Чуточку согрелась на солнышке.

А после ВТЭКа поняла, что если не съем кусок мяса, умру на месте. Помнила, что на вокзале была какая-то закусочная. Ринулись туда, откуда силы только взялись, но перед самым нашим носом дверь захлопнулась. Поднялись мы по мосту на перрон, сжевала я с горя вафлю, тоску по мясу не утолила. Приехали в Москву – бегом (откуда тоже силы взялись?) к троллейбусу, домой и пожарить мяса в сметане. На троллейбус-то мы успели, но наш автобус ушёл прямо перед троллейбусом, попытались мы его догнать – безуспешно. Ждали следующего. Я веселилась как могла, пела песни, в общем, дурила, но сойдя потом с автобуса, сказала: всё. Пристрелите меня прямо здесь. Зато какой прогресс – сама своими ножками! Это, конечно, благодаря уколам.

Во вторник я ничего не могла делать, но вечером пошли на огород – поливать. Вова таскал воду (у нас очень благополучная дыра в заборе, вода – в каком-то болоте, через дырку путь к ней сокращается), он наполнял бочку, я тем временем поливала из лейки наши посадки, а Вова подпитывал кустики какими-то удобрениями, как мне объяснил, это подкормка через веточки-листочки.

До дому я опять добралась с трудом. Дяденька какой-то свою помощь предложил, говорю ему, что вроде как при муже, если что, поможет.

В среду на следующий день – последний укол, и неудачно, три раза кололи, а потом ещё и плохо мне стало. Вечером

Вова пошёл на огород один, малинку немножко проредить и полить огородик. Такая неудача – на клубнике какой-то долгоносик, и не только у нас, повальное бедствие: объедают плодоножку, и в малине тоже какая-то живность. Все хотят съесть наш урожай. А нам этого тоже хочется.

Ну ладно. Совсем я разучилась писать письма. Сплошная ахинея. До свидания. Целую всех крепко. Привет от Вовы. Ждите следующей ахинеи.

Надя.

6 июня 1985, Свердловск

Здравствуйте, Таня, Аня, Sigfrid!

Мы с папой приехали позавчера вечером. Получили письма-поздравления с днём 1 мая и Днём Победы, спасибо!

Таня, ты неаккуратна, я просила сообщать мне о каждом переводе от меня и от С. Я посылала 1 апреля 50 рэ ко дню рождения – молчание!!! Почему? Не получила? Меня это интересует, если не получила, мне надо выяснить, почему!

Вчера я не меньше огорчилась: разрешение на ваш приезд пролежало в другой папке целых три месяца в паспортном столе, а готово было ещё 14 марта. Как бы было мне приятно вам сообщить: **ДОРОГИЕ МОИ, ПОСЫЛАЮ ВАМ ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПРИЯТНУЮ ДЛЯ ВСЕХ ВСТРЕЧУ!..**

Ну что, сейчас уж решайте, когда приехать. Приглашение я пошлю завтра, но сначала схожу в ОВИР, спрошу, почему Аню опять записали к тебе, я заполняла и на Аню отдельно,

на три месяца. Если это недосмотр, то сделают отдельно, если не разрешается, то так и вышлю. А вы обсуждайте, когда приедете.

1 июня после регистрации Коля с Мариной уехали в Ленинград на 5 дней. 7-ого утром возвращаются, а 8-ого утром улетают в Геленджик на базу отдыха, Таня, мы там были всей семьёй в 1962 году. Туда же прилетит и Костя – сегодня ждём его здесь в 21.45. Он летит из командировки, и у него начинается отпуск. Я и Надя, наверняка, писали тебе, что он был в Литве два месяца, и я очень рада, что мне удалось купить им всем троим путёвки, и отдохнут вместе, и пообщаются, жаль, что вас нет...

Но пока вы получите разрешение, да то, да сё, они уже вернутся: у них путёвки до 1 июля, а отпуск до 8 июля.

У папы в городе мы ещё не были, решили Костю здесь ждать, да и папа ходит по Свердловску и радуется размаху строительства, благоустройству, кинотеатрам, паркам. Последнее время он здесь был всё проездом и ненадолго, а сейчас и время есть, и дело – Костю ждать. На работу нам только 10 июня – отпуск нынче длинный! Побывали в Москве, Сочи и ещё на Свердловск остались дни. У меня, конечно, хлопоты! Купить продуктов, сварить-изжарить, сейчас вот варится, а я в перерывах пишу.

Отдохнули мы хорошо. Погода была хорошая, в общей сложности дождливых дней было 5, но они как-то попадали на дни, когда у нас мацеста (ванны мацестинские), а после

них надо отдыхать в палате, так что мы на погоду не в обиде. Купались в море, в бассейне. В весе я не прибавила и очень довольна! Держусь в форме – при моих шестидесяти вешу 65 кг!

В Свердловске холодно, опять был и снег, и град, даже вот и сегодня +6, ветер, но... «Поверье есть в природе, когда черемуха цветёт, то холод на свободе». Да, здесь только-только цветёт черемуха! Весна запоздала на 2–3 недели. А в Сочи розы! Привезла с собой, они у меня ещё цветут в вазе и радуют меня.

С Колей, Мариной, Надей, Вовой и Костей мы переговорили 1 июня по телефону. У Марины, вернее, у её родителей, кооперативная квартира с телефоном, и будут молодожёны после свадебного путешествия жить у них, и почти без перспектив на отдельную квартиру, хотя я обговорила этот вопрос: «...если вдруг, то мы половину оплачиваем...» (чтоб при случае и мы могли забежать «на огонёк» с лёгкой душой, ну это, конечно, я ничего не говорила, а так только, промелькнуло в глубине моих извилин).

Папа пошёл за хлебом, а я довариваю-дописываю. Я буду ждать от вас известий о приезде и, в общем, очень довольна, что вы приедете все, а в будущем году, может, и его родителей увидим – это следующий этап! Приедем ли мы или приедут они, это равноценно и очень радостно, что встреча вот так просто и душевно может состояться – это великолепно! Я думаю, комментарии не нужны! Я чувств выразить

на бумаге не могу!

Письмо заканчиваю, папа передаёт привет – сам напишет, а сейчас он идёт гулять и бросит это письмо.

Привет родителям Зигфрида и всем родственникам, которых мы ещё не знаем. Но надеемся вскоре познакомиться. Целую и обнимаю.

Мамуля-бабуля-дорогуля.

P.S. Посылаю фотографию. Это Сочи, день нашей полотняной свадьбы! 35 лет.

16 июля 1985, Свердловск

Здравствуйте, Таня, Аня, Sigfrid!

Получила письмо – радость! Ждём вас в гости! Таня, а билет можно купить сразу до Свердловска. От Москвы идёт поезд «Урал» в 17.00 каждый день, так что можно сделать небольшую остановку в столице и ехать к нам, а на обратном пути можно в Москве побыть и подольше. Заказов делать не будем, один заказ – это вы! И не беспокойся о подарках, у нас всё есть, ничего не надо.

Папа хотел сделать заказ, какой-то фотоаппарат, но он уж вам сам расскажет, как приедете, а купите потом, в следующий раз привезёте.

Напишите вы, что надо, так ведь сразу и не будет.

Новую машину ещё не получили, но в июле вроде бы будут. Хорошо бы папа в отпуске был и Костя тоже, а Вася может отпуск взять. Было бы хорошо попутешествовать!

Ну пока, ждём!

Привет от Васи, он собирается написать сам.

Целую,

мамуля-бабуля-дорогуля .

21 июля 1985, Новогорск-3

Здравствуйте, дорогие Таня, Зигфрид, Аня! Я рад, что мы скоро увидимся. Мы здесь ещё ждём лета, июль стоит прохладный, может быть, август будет летним. Тем не менее в саду-огороде потихоньку всё растёт. Будут грибы. Тане будет работа – оформить наш участок в ландшафтном отношении, конечно, на бумаге. Для этого у нас есть всё – пни, камни, домик в стадии строительства.

Я пока ничего не заказываю, была мысль о фотоаппарате. Но торопиться не будем. Сначала обсудим.

За машину мы заплатили в конце мая, а их всё еще нет – ВАЗ 2108, ждём.

Итак, до скорой встречи, ждём.

Привет от Кости.

Папа.

Мы все в ожидании гостей! Посовещались и решили, что нам ничего не надо, кроме вас самих. Тем более, что вы недавно у нас были и наши заказы выполнили. А на будущее посоветуемся уж вместе. Так что не хлопчите, а главное, не тратьтесь!

До свидания. Ждём письма или телеграммы о дне приезда.

С москвичами перезваниваемся. Бывает, что я получаю письмо от вас раньше, чем они.

Целую, жду,

мамуля-дорогуля-бабуля.

Привет от Васи!!!

27 июля 1985, Свердловск

Здравствуйте, Таня, Аня, Sigfrid!

Сегодня закончили с миром «вопрос с бородой». С. будет перечислять по 50 рублей тебе на книжку, начиная с июля, пока не выплатит 2000 рублей. Вот так, Таня, – мы победили!

Всё культурно решили, судья утвердила, и мирно разошлись, каждый доволен: я – потому что процесс выиграла в заявленной сумме! С. – потому что мог потерять больше, а так 2000 рублей, в конечном счёте, для его единственной дочери! Сейчас ей, может, и не так нужны, как потом, когда приедете, то есть будете приезжать и у вас будут деньги, хоть на билеты и то хорошо! Я вообще-то, Таня, узнаю, можно ли их вам переводить через банк. Но это уже детали, посоветуемся с тобой, как лучше, так и сделаем!

Ну пока, Таня. Писать особо нечего, ждём вас! Ждём Костю. Костя приедет как раз к получению машины, они вот-вот должны подойти. Вы уже будете ездить на новой машине.

Всех ждем! Вас, Костю, машину. Я надеялась, что и Ко-

ля с Мариной приедут, но у них остаётся 4 дня, чтобы передохнуть после свадебного путешествия. Я не в обиде – надо! И вообще я за Колю спокойна. Мне и Марина по душе пришлась, и родители тоже. Очень надеюсь, что им повезёт: вдруг удастся вступить в кооператив.

Таня, я, может, забыла написать: за пасхальное «яйцо» и его «содержимое» большое спасибо! Очень оригинально.

Ты всё спрашиваешь, а когда твоя мамочка к вам приедет? Вот этот год отработаю, заработаю и, может, в 1986 году и соберусь! А пока жду вас, а там и родителей Зигфрида можно приглашать. Я уже писала о своём восторге, что вам всем разрешили приехать!!!

Значит, письма из Сочи пришли? Хорошо!

До свидания. Жду от Ани писем. Целую,
бабуля-мамуля-дорогуля .

2

24 сентября 1985, Мосрентген

И снова вы уехали, и снова грустно. Но грустнее всего, что вы приехали, а я в больнице. Я так вас ждала! Такие наполеоновские планы строила.

Ну да ладно. Напишите, как доехали, как вы там.

Надя.

25 сентября 1985, Свердловск

Здравствуйте, Таня, Аня, Sigfrid!

Поздравляю с Великим Октябрём, желаю крепкого здоровья, счастья, успехов в вашем творческом труде, а Ане отличной учёбы и мирного неба!

Коля с Мариной приезжают к нам на 10 дней – с 2 по 10 ноября. Вася идёт в отпуск с 1 ноября и едет с ними в Москву, а потом в Ленинград к папе. Папа будет там с 11 ноября по 11 декабря на курсах повышения. Мы тут остаёмся с Костей. Надю из больницы выписали с «улучшением». Во-ва сразу взял отпуск. Им установили телефон! Я, правда, позвонила один раз, больше не пытаюсь – ещё не отрегулирован, то они меня не слышат, то я их.

Привет передавайте родителям. До свидания. Писем от вас не получили никто, как понимать?

Мамуля-бабуля.

11 ноября 1985, Долгопрудный

Здравствуйте, Таня, Зигфрид и Аня!

Получили телеграмму от Зигфрида, что операция прошла благополучно, что Таня выздоравливает, а за два дня до этого пришло письмо от Ани, где написано, что Таня уже три недели болеет. Мы тут все друг у друга спрашиваем, было ли что от Тани, и все друг другу отвечаем, нет, ничего не было. А потом я расспросил, оказалось, сами никто не писали Тане. Самый надёжный человек – Надя, она написала открытку, а остальные все вот-вот собирались написать.

Что же у вас случилось, и как теперь здоровье? Вы все не любите расстраивать и не пишите всего, но мы все ждём с нетерпением вестей.

Вернёмся к нашим событиям. В тот вечер, когда мы вас проводили, мы с мамой прогуляли по Москве часа два. Она мне рассказывала свою теорию про твоё, Таня, железное здоровье, и хоть у тебя начался «гонконгский» грипп, и отправили мы тебя в ГДР с высоченной температурой, ты поправишься. После нашего долгого общего молчания ты, Таня, могла подумать, что после вашего отъезда произошло что-нибудь, но ничего не было. На вокзале, когда ваш поезд поехал, мы с мамой бежали по платформе, она говорила, что же мы раньше не догадались побежать, так бы и была рядом с деточками.

Мы с Мариной на 7 ноября ездили в Свердловск, устроили каникулы на 10 дней. Показали Марине город. Мама традиционно сводила в Дом Советов, который строила. Ходили в картинную галерею, на выставку каслинского литья. Ездили в Новогорск, там папа водил нас в театр на «Весёлую вдову». Два дня роль графа исполнял солист Ростовского-на-Дону театра Семён Барон. Ездили в сад-огород. Дом стоит под крышей, без окон, без дверей. Костя сложил печку. Ездили туда на новой машине, очень удобная. Костя в ней души не чает.

Вася с 1 ноября в отпуске и полетел с нами в Москву. Прилетели мы только вчера, так что ещё нигде и не были.

Марине всё у нас на Урале понравилось, она передает вам привет. Забыл написать, мы ездили ещё по области, в Верхнем Тагиле заходили в церковь. В церкви неожиданно оказался деревянный пол, крашенный, покрыт домоткаными половичками. Были в Невьянске, смотрели падающую башню. У нас был фотоаппарат со слайдовой плёнкой, мы всё исщёлкали, приедете, посмотрим.

Как функционирует телевизор? Мы при переезде из Свердловска оказались в странных обстоятельствах: когда вылетели из Свердловска, концерт к дню милиции должен быть через день, а когда прилетели в Москву, концерт прошёл день назад. Вопрос: сколько времени мы летели?

Как Аниной подруге Свете понравилась кофейная жвачка? Высылаю Ане маленький подарочек, скоро придёт.

Привет всем, пишите поскорее. До свидания,
Коля.

28 ноября 1985, Свердловск

Здравствуйте, Таня, Аня, Sigfrid!

Получили, наконец, письмо, узнали о твоей беде, Таня, это не беда – радость, счастье, что всё уже позади. Время вылечит тебя и от страшных воспоминаний, а могло ведь и хуже быть, сейчас главное – береги себя!

Ты получишь это письмо, по моим предположениям, уже через 1,5 месяца после операции, и я в большой надежде, что ты значительно поправилась. Я, как получила телеграмму от

Зигфрида, так и клянусь себя, что по своей крестьянской застенчивости не задала тебе один-два щекотливых вопроса, что можно было предотвратить эту беду. Гонконгский грипп тут не причём! Болезнь началась ещё год тому назад, ты об этом говорила, как приехала, и тогда ты болела и заболела сейчас, и я снова хотела поговорить с тобой на щекотливую тему, а тут заболел у Ани глаз, и всё опять ушло на задний план – ребёнок впереди паровоза! И когда мы с тобой ходили узнавать про глазного врача в поликлинику, мне ещё попал в руки журнал на запись к гинекологу, у меня снова дрогнуло сердце, моя материнская интуиция предсказывала: запиши свою дочь!!!.. Ох! Ох! Ох! Знал бы, где упасть, соломку подстелил. Не хватает меня, Таня, я не больна – здорова, но измотана и стара!!! Ты это поймёшь, когда тебе будет 60, а меня уже не будет.

Ну не обо мне речь! Я, получив телеграмму от Зигфрида об операции, срочно побежала в ОВИР со старым приглашением от вас и, к своему удивлению, получила разрешение на выезд – днём, а вечером – от тебя письмо, и сейчас я в раздумье: поздно уже ехать. Разрешение с 28 ноября по 28 декабря, действует только месяц... так что ты давай поправляйся и знай, что все мы с тобой и все мои материнские чувства с тобой, с мольбой, чтобы поскорее поправились! Ты по природе своей здорова! Ты избежала все детские болезни, хотя была в тесном контакте с Надей, Надя – болела, ты – нет! У Нади – корь, скарлатина, паратиф, оспа, коклюш, ангины. У

тебя – нет! В 1969 году вы обе заболели ангиной, у Нади – хорея, за ней ревматизм, а ты выздоровела. Заболела ты серьезно в первый раз, когда родился Коля, и мы с тобой (и с ним, месячным) поехали в Свердловск за коляской. Ты простыла, у тебя было воспаление среднего уха. Когда тебе было 15 лет, у тебя была ангина и упадок зрения, но это уже скорее переходный возраст. Вот и все твои болезни!

Тебе, как первой, перешло всё моё здоровье, иммунитет от меня ещё в утробе и с грудным молоком – ты грудь сосала до года, да плюс парное молоко, ты выпивала по 1 литру, тёплое, сразу от дойки. Я – из крестьянской семьи, вскормлена на натуральных продуктах: молоко коровье, морковь, лук, свекла прямо с грядки, даже яички тёпленькие из-под курицы, ягоды в лесу без всяких химикатов... да ещё, плюс ко всему, я из естественного отбора. Ты по истории знаешь, какая была детская смертность в России. Нас, детей, не лечили таблетками, шприцами, а лечили травами, малиной-калиной, баней, и сильные – выживали. Вот по этим всем причинам я и имею хорошее здоровье (моё бы здоровье да моим детям!) и до твоего рождения не выпила ни одной таблетки! Я заболела в первый раз (и пока единственный) уже, когда Коле было 2 года. Ну а нервы разматывает уже жизнь, годы, но я их лечу. Это я всё к тому, что ты по природе здорова и выросла под бдительным оком мамы и в хороших благополучных условиях. А попала в неблагоустроенное жилье, без туалета, без ванны, без горячей воды, без отопле-

ния... Уголь в вёдрах наверх таскаете, печи топите... И вот результат, воспаление яичника и всё остальное – болезнь развивалась. Организм – здоровый, крепкий – сопротивлялся, но не выдержал. И если бы вовремя правильно поставили диагноз, беду можно было предотвратить. У нас сейчас по линии «охраны труда» по производствам проводят медицинские комиссии – осмотр всеми врачами, рентген, кардиограммы, а женщин обязательно каждый год осматривает гинеколог. Зарплату не выдадут, пока не сходишь к врачу. Неприятно, но идёшь, в конечном итоге для нас же лучше, нас берегут.

Ну ладно, я тебя утомила. Ничего уже не исправишь, всё страшное позади, теперь поправляйся, береги себя, не застудись.

Папа сейчас в командировке в Ленинграде, сегодня жду, да самолёт задерживается... Прилетит ненадолго, а потом снова туда. Я вчера прилетела из Сибири, была в командировке на Байкале. Вася – в отпуске, хозяйничают с Костей в Новогорске одни.

Прилетел папа, отдохнём и поедем дальше. Папа уже спит, а я дописываю письмо. Папа мою поездку к вам не одобрил и, правда, что это я свалюсь как «снег на голову».

Давай поправляйся и не думай ни о чём. Береги себя и помни, что мы все с тобой переживаем твою беду. Раздели её на 7 и тебе будет легче. Тебе сейчас думать о поездке к нам не надо, а я могу, если надо. У нас такая новость: Вася при-

нят и будет учиться с 18 декабря на Высших юридических курсах. Курсы образованы впервые в Свердловске по приказу Совета министров. Принимаются лица, имеющие высшее образование по разным специальностям. Это нововведение, нам в институтах юридических наук не преподавали. Даже бы я пошла на эти курсы, да стара уже. Соответственно конкурс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.